

ТЗ(2)7
Г981

Н. Я. ГУЩИН

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ,
ЗАКОНОМЕРНОСТИ
И ОСОБЕННОСТИ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ
(1917 г. — конец 70-х гг.)**

623818

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Н. Я. ГУЩИН

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ,
ЗАКОНОМЕРНОСТИ
И ОСОБЕННОСТИ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ
СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ
(1917 г. — конец 70-х гг.)**

Учебное пособие

НОВОСИБИРСК
1982

БКК ТЗ(2р5)7 — 205Я73 — 1 + С 556.663Я73 — 1
УДК 947.571.084

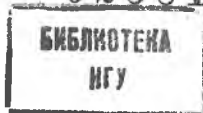
Н. Я. Гуцин

Основные этапы, закономерности и особенности преобразования социальной структуры сибирской деревни (1917 г. — конец 70-х гг.). Учебное пособие, НГУ, 1982, 1—86.

В учебном пособии рассматриваются основные этапы преобразования социальной структуры деревни за годы Советской власти: I — переходный период от капитализма к социализму (1917 — 1937 гг.); II — период упрочения и развития социалистического общества (1938 г. — конец 50-х гг.); III — период развитого социализма (60—70-е гг.).

При характеристике своеобразия отдельных периодов прослеживается преемственность и поступательное развитие аграрной политики Коммунистической партии, взаимосвязь и последовательность основных тенденций социальных преобразований деревни, при этом выявляются как общие для всей страны закономерности, так и региональные особенности.

Пособие рассчитано на студентов гуманитарных специальностей университетов и педагогических институтов.

ТЗ(2)7
Г981

Введение. ЗНАЧЕНИЕ И АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблема преобразования в эпоху социализма социальной структуры общества в целом, и деревни в частности, относится к числу наиболее сложных и актуальных проблем общественных наук, в том числе истории. Это неоднократно отмечалось в директивных документах Коммунистической партии Советского Союза.

XXV съезд КПСС как одно из важнейших направлений развития общественных наук выдвинул необходимость изучения проблем «совершенствования общественных отношений, формирования нового человека»¹, неразрывно связанных с изменениями в социальной структуре советского общества. XXVI съезд КПСС вновь подчеркнул, что «разработка проблем социальной структуры» является одной из основных задач общественных наук².

В советской историографии социальная структура рассматривается как часть более общего понятия — социальных отношений. Авторы обобщающего труда «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений» пишут: «Социальными отношениями в широком смысле являются все отношения между людьми, складывающиеся в процессе их общественной жизни, — материальные и идеологические. Сюда входят экономические, политические, правовые отношения, нравственные, эстетические и религиозные, классовые и национальные, семейные и бытовые, включая и носящие социальный характер отношения между полами и возрастными группами в обществе...

Социальными отношениями в узком смысле в марксистской литературе принято обозначать прежде всего отношения между общественными классами или основными социальными группами, которые определяют социальную структуру, весь внутренний строй общества»³. За годы Советской власти на основе создания социалистических производственных отношений и их совершенствования произошли глубокие качественные преобразования в социальной структуре общества в целом, в том числе и сельского населения. Преобразование и совершенствование социальной структуры — одна из основных закономерностей строительства социализма и коммунизма, которая заключается в переходе от классово-антагонистической структуры буржуазного общества к полной социальной однородности.

Важность и актуальность изучения проблем преобразования социальной структуры деревни определяется совокупностью обстоятельств.

Во-первых, научное обобщение опыта социального развития нашей страны в годы социалистического строительства важно для правдивого раскрытия и оценки исторического пути советского народа к социализму. Впервые в истории человечества были уничтожены классовые антагонизмы, сошла на нет классовая борьба, выступающая движущей силой во всяком классово-

антагонистическом обществе, возникло морально-политическое единство всего советского народа, союз дружественных социалистических классов и слоев — рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. При этом в комплексе проблем социального развития общества в период построения социализма наиболее трудными и сложными были задачи социалистической реконструкции сельского хозяйства, социальных преобразований в деревне. Не меньшее значение имеет научное обобщение опыта нашей страны по преобразованию социальной структуры на этапе строительства и совершенствования развитого социализма. В развитии процесса сближения всех классов и социальных групп советского общества накоплен беспримерный опыт, и его правильная научная оценка и осмысление имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Во-вторых, необходимость и важность изучения истории преобразования социальной структуры деревни определяется и задачами социального развития советского общества на перспективу. Для разработки научно обоснованной программы дальнейшего совершенствования социальной структуры общества необходим ретроспективный анализ: он поможет избежать ошибок, выработать оптимальные пути и средства решения проблем. В. И. Ленин писал: «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза»⁴.

Роль социальных проблем в жизни общества возрастает. XXV съезд КПСС указал, что на современном этапе в области сельского хозяйства «партия выдвигает две взаимосвязанные цели. Первая: добиться надежного снабжения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем, всегда иметь для этого достаточные резервы. И вторая: идти все дальше по пути сближения материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни, что является нашим программным требованием.

Обе эти цели имеют принципиальное экономическое и политическое значение. Обе они определяют содержание партийных установок, представляющих собой творческое развитие ленинской аграрной политики»⁵.

XXVI съезд КПСС, выдвинув в качестве одной из важнейших задач разработку «специальной продовольственной программы», основой которой должен стать «дальнейший подъем сельского хозяйства», отмечал, что выполнение этой задачи в решающей степени зависит от социальной политики партии и государства, в частности от совершенствования всей инфраструктуры села и т. п.⁶

В-третьих, актуальность изучения рассматриваемой темы определяется международным значением опыта нашей страны в социалистической перестройке деревни. Этот опыт творчески используют страны мировой социалистической системы, его изучают и в той или иной мере заимствуют страны социалистической ориентации, ищущие пути некапиталистического развития.

Опыт нашей страны по социалистическому преобразованию деревни актуален для коммунистов всех стран мира, так как «крестьянство повсеместно остается существенным фактором материального производства и социальной силой, обладающей большими демократическими и антиимпериалистическими потенциалами»⁷.

Изучение проблем преобразования социальной структуры сибирской деревни представляет особый интерес. Сибирь — важнейший экономический район, играющий все возрастающую роль в народнохозяйственном потенциале страны. В развитии региона, наряду с огромным размахом индустриального строительства, большое место занимает и сельское хозяйство. Сибирь традиционно не только обеспечивала собственные потребности в основных продуктах сельского хозяйства (которые быстро растут в связи с созданием здесь крупных территориально-производственных комплексов), но и вывозила значительную часть зерна и продукции животноводства в другие районы, а также экспортировала их.

Историческое развитие сибирской деревни отличалось существенными особенностями. Методологической основой анализа этих особенностей являются труды В. И. Ленина. Помимо теоретических и программных положений о закономерностях развития деревни в условиях переходного периода от капитализма к социализму, о путях вовлечения крестьян в социалистическое строительство, имеющих огромное значение как в целом для страны, так и для отдельных ее регионов, в сочинениях В. И. Ленина есть немало специальных работ и очень важных выводов об особенностях социально-экономического и политического развития дореволюционной сибирской деревни, о специфике расстановки здесь классовых сил в ходе революции и гражданской войны, о сложном и своеобразном пути сибирского крестьянства к социализму, о значении и перспективах освоения огромных сибирских природных богатств (в том числе и «громадной площади первоклассной земли»⁸) для ускорения индустриализации и темпов социалистической реконструкции народного хозяйства страны, о ведущей роли пролетариата центральных районов страны для крестьянства окраин и др.

В. И. Ленин дал глубокий анализ социально-экономического и политического положения дореволюционной Сибири. В классическом труде «Развитие капитализма в России», законченном в 1899 г. в сибирской ссылке, В. И. Ленин исследовал основные черты экономики Сибири конца XIX в., раскрыл процесс классового расслоения сибирского крестьянства⁹. Он рассматривал Сибирь как экономическую колонию Европейской России, в которой промышленность получила относительно небольшое и одностороннее развитие (преимущественно горно-заводская с преобладанием мелких и кустарных предприятий в большинстве отраслей), а в сравнительно немногочисленном отряде рабочего класса была весьма значительная прослойка недавних выходцев из мелкобуржуазных слоев города и деревни. Особенности же расслоения

сибирского крестьянства в предреволюционные годы проявлялись в наличии многочисленной прослойки крепкого кулачества, в большей зажиточности середняков и меньшей, чем в Центре, доле бедняков. В. И. Ленин подчеркивал, что сибирские крестьяне «развращены капитализмом»¹⁰. Пролетариат Сибири, находясь в окружении восьмимиллионного крестьянского населения и многочисленных слоев мещанства в городах, также в значительной части, по словам В. И. Ленина, был «развращен мелкобуржуазными привычками»¹¹. Все это ослабляло пролетарское влияние на крестьянство и затрудняло развитие революционной борьбы.

Многие важные идеи В. И. Ленина касались особенностей формирования союза рабочего класса с крестьянством Сибири в период Октябрьской революции и гражданской войны, и специфики осуществления здесь аграрной революции. В произведениях В. И. Ленина, где обсуждаются те или иные революционные процессы в Сибири, центральное место занимают его высказывания о крестьянстве. И это вполне естественно, так как от поведения трудящегося крестьянства Сибири в огромной степени зависела судьба его союза с рабочим классом, Советской власти в этом районе страны. Много внимания уделил В. И. Ленин причинам колебания различных слоев населения сибирской деревни в 1917—1920 гг., выяснению отношения крестьянства к белогвардейскому режиму и роли этого отношения в развитии и укреплении союза рабочих и крестьян Сибири, в восстановлении здесь власти Советов¹².

Особое значение имеет анализ В. И. Лениным нового, или второго поворота сибирского среднего крестьянства в сторону Советской власти (первый имел место в конце 1917 г., в период Октябрьского штурма), а также причин крушения Колчака и его режима. Одну из главнейших причин победы революции в Сибири В. И. Ленин видел прежде всего в формировании военно-политического союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, в повороте против Колчака сибирского середняка. В речи, посвященной двухлетней годовщине Октябрьской революции, В. И. Ленин отмечал: «Я не буду говорить о военном значении победы над Колчаком, но я скажу, что, если бы не опыт крестьянства, которое сравнивало власть диктаторов буржуазии с властью большевиков, этой победы не было бы»¹³. В. И. Ленин неоднократно обращался к вопросу о причинах разгрома контрреволюции в Сибири и неизменно главным называл укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, переход сибирского трудового (бедняков и середняков) крестьянства в лагерь революции¹⁴.

Указывая на особые трудности социалистического строительства в сибирской деревне, В. И. Ленин связывал их прежде всего с сохранением в регионе после гражданской войны сравнительно многочисленного кулачества¹⁵, с большей мелкобуржуазностью сибирских крестьян-середняков (это — край «крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму»¹⁶), а также с экономической

отсталостью окраинных районов Сибири (особенно северных, где «царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость») ¹⁷.

В. И. Ленин не раз отмечал авангардную роль рабочих Центра, особенно Петрограда и Москвы, где были сосредоточены лучшие, наиболее сознательные и закаленные в борьбе рабочие — «цвет нашей пролетарской партии» ¹⁸, в социалистическом строительстве. В письме «К питерским рабочим» от 12 июля 1918 г. он призвал рабочих Петрограда «...десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг..., где *необходим* питерский рабочий как организатор, руководитель, вождь» ¹⁹. С идеями и деятельностью В. И. Ленина связано создание в Сибири петроградскими рабочими в начале 1918 г. первых коммун ²⁰. При разработке новой экономической политики В. И. Ленин использовал и сибирские материалы (доклад заведующего Сибирского земельного отдела В. Н. Соколова, записку председателя Канского уездного исполкома В. Г. Яковенко, письмо старого большевика В. Н. Каюрова и др.) ²¹. Основываясь на материалах о шефстве новиколаевских городских партийных ячеек над деревенскими, предложенных в 1922 г. секретарем Сиббюро ЦК РКП(б) И. И. Ходоровским, В. И. Ленин выдвинул идею шефства горфда над деревней ²²

В ленинском плане построения социализма в нашей стране важная роль отводилась Сибири. Вовлечение в хозяйственный оборот огромных природных богатств (горных, лесных, земельных и др.) на базе передовой техники должно было послужить, по мысли В. И. Ленина, не только ускоренному развитию экономики края, но и всей страны, а также оказать существенное влияние на мировое хозяйство ²³. В. И. Ленин писал: «Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил» ²⁴.

Рассмотренные ленинские идеи помогают понять особенности исторического пути крестьянства Сибири к социализму, специфику преобразования социальной структуры сибирской деревни. Следует отметить, что, указывая на региональные особенности края, В. И. Ленин неизменно подчеркивал общность объективных закономерностей в историческом развитии и социалистическом строительстве Европейской России и Сибири. Эта общность объективно обуславливалась, как это раскрыл В. И. Ленин в работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», общностью основных форм общественного хозяйства, социально-экономических укладов и стоящих за ними классов и политических сил ²⁵.

Сибирь — составная часть нашей страны, поэтому основные закономерности социалистического строительства вообще и преобразования социальной структуры деревни, в частности, здесь были те же, что и в целом по стране. Особенности Сибири выражались лишь в специфике конкретно-исторических процессов, происходивших в рамках общих этапов и общих закономерностей развития. Они порождались своеобразием исторических, геогра-

фических, национальных, демографических, социально-экономических условий развития сибирской деревни. Их возникновение определялось спецификой окраинного аграрного района, где социалистическое преобразование сельского хозяйства было связано с преодолением дополнительных трудностей.

На различных этапах социалистического строительства особенности Сибири проявлялись по-разному. На этапе построения социализма они выражались в высокой степени классового расщепления (20-е гг.), острой классовой борьбе, больших трудностях социалистического переустройства деревни, влиянии крестьянского переселения в Сибирь и т. п. На этапе строительства и совершенствования развитого социализма огромное значение имели освоение целины и создание целинных коллективов, массовое преобразование колхозов в совхозы; интенсивно протекали миграционные процессы, остро проявлялась напряженность трудовых ресурсов.

В предлагаемом учебном пособии ставится задача проследить в динамике основные этапы преобразования социальной структуры деревни в основном на материалах Западной Сибири, где расположены главные сельскохозяйственные (производящие) районы края (Восточная Сибирь — потребляющий район). Такой подход позволит показать историческую значимость совершенных революционных преобразований, всю глубину социальных сдвигов, происшедших в деревне, выявить как общие закономерности, так и региональные особенности социального развития сибирского села.

Проблемы социального развития сибирской советской деревни давно и закономерно привлекают внимание исследователей. Особенно существенный прогресс в их научной разработке достигнут на современном этапе, где исследования развернулись по широкой проблематике и, что особенно важно, совершенствуются их методология и методика, все более утверждаются аналитические приемы в изучении исторического процесса.

На разработку проблем преобразования социальной структуры сибирской деревни большое влияние оказали 1-я научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока (1960 г.)^{2 6}, юбилейные конференции, посвященные 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции^{2 7}, межвузовская научная конференция (Барнаул, 1969 г.), посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина^{2 8}, и др.

Крупным вкладом в изучение истории крестьянства явился выход в свет 4-го тома «Истории Сибири», в котором впервые в историографии показан исторический путь развития сибирского крестьянства и сельского хозяйства с Октябрьской революции и до победы социализма^{2 9}. В ученых записках и сборниках научных работ вузов и научных учреждений Новосибирска, Томска, Иркутска, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Омска, Тюмени опубликовано сотни статей, исследующих различные вопросы

социальной истории сибирской деревни. В связи с развернувшейся по инициативе Института истории, филологии и философии СО АН СССР подготовкой обобщающего многотомного труда по «Истории крестьянства Сибири» начиная с 1969 г. регулярно проводятся конференции и симпозиумы, труды которых издаются³⁰. Появилось несколько тематических сборников, посвященных различным проблемам социальной истории деревни³¹.

Особенно важную роль в развитии научных исследований играет появление в современной историографии серии монографий по узловым проблемам истории деревни, в той или иной степени рассматривающих преобразования в социальной структуре деревни на различных исторических этапах. В опубликованных книгах обсуждаются следующие проблемы: социально-экономические и общественно-политические предпосылки Октябрьской революции в сибирской деревне³², социальные сдвиги в деревне, происшедшие в ходе гражданской войны³³, социально-экономическое и общественно-политическое развитие деревни в условиях нэпа³⁴, предпосылки и социалистическая реконструкция сельского хозяйства³⁵, преобразование социальной структуры деревни в условиях социализма, формирование класса колхозного крестьянства, укрепление союза рабочего класса с крестьянством³⁶, социальные изменения в деревне в годы Великой Отечественной войны³⁷, послевоенное социальное развитие деревни³⁸, социально-экономические преобразования на селе в период развитого социализма³⁹.

Важным событием в современной историографии сибирской деревни является выход в свет в 1976 г. коллективной монографии «Историография крестьянства Советской Сибири», подготовленной коллективом историков-аграрников Сибирского отделения АН СССР и высших учебных заведений Сибири⁴⁰. В ней впервые в историографии дается анализ основной литературы, прослеживается генезис и сущность концепций по важнейшим проблемам истории крестьянства от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней⁴¹. Новосибирским государственным университетом опубликовано учебное пособие по историографии Сибири советского периода, где вторая глава посвящена проблемам изучения крестьянства и сельского хозяйства советской Сибири⁴².

Наличие этих работ, где дается, в частности, историографический обзор проблем преобразования социальной структуры села, освобождает нас от конкретного и детального анализа всей опубликованной литературы. Остановимся лишь на слабо изученных и дискуссионных вопросах, которые должны стать предметом специального исследования историков в ближайшей перспективе. К числу таких вопросов прежде всего относится раскрытие и всестороннее конкретно-историческое обоснование великого преобразующего влияния Октябрьской революции на сибирскую деревню, расстановка классовых сил на различных этапах революции, соотношение и взаимодействие двух социальных войн

в деревне, социальные сдвиги, происшедшие в результате аграрной революции.

В истории доколхозной деревни крайне важно обстоятельно исследовать борьбу двух тенденций в развитии сельского хозяйства — капиталистической и социалистической; характерные черты и взаимовлияние различных социальных типов сельского населения — батраков, бедняков, середняков, кулаков; этапы, формы и эволюцию классовой борьбы.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства привела к коренным преобразованиям социальной структуры деревни, формированию социалистических классов и слоев. Процесс формирования аграрного отряда социалистического рабочего класса изучен лишь в самых общих чертах. Не выяснены основные этапы этого процесса, их качественное отличие: социальное происхождение, источники формирования, культурно-технический уровень, общественно-политическая активность сельскохозяйственных рабочих. Еще меньше исследовано формирование кадров МТС. В работах по аграрной истории Сибири о механизаторах приводятся лишь отрывочные или иллюстративные данные⁴³.

Не стала еще предметом комплексного изучения центральная проблема истории советской деревни — многообразный сложный процесс формирования класса колхозного крестьянства. В литературе нет однозначного толкования понятия процесса формирования класса колхозного крестьянства. Одни исследователи его расценивают как появление нового класса социалистического общества⁴⁴. Другие утверждают, что «социализм есть общество, ведущее к постепенному отмиранию классов, а потому не порождающее новые классы, а лишь уничтожающее одни (эксплуаторские) и коренным образом меняющее природу и содержание других (трудящихся) классов»⁴⁵. В. И. Погудин считает, что «колхозное крестьянство отличается от мелкобуржуазного крестьянства по всем классовым признакам», «оно приобрело новую социальную природу», но такие дефиниции, как «новый класс», «новый, социалистический класс» «не точно выражают существо изменений в классовой структуре советского общества, и потому в научных трудах вряд ли употребимы»⁴⁶.

Постановка вопроса В. И. Погудиным нам представляется правильной, особенно если учесть, что историки, говоря о новых социалистических классах, чаще всего имеют в виду не рождение их заново, а лишь коренное их преобразование. Какие качественно новые черты приобретает и развивает в ходе социалистического строительства колхозное крестьянство и какие и в какой мере старые черты класса наследует, предстоит изучить историкам на конкретно-историческом материале.

Не изучена динамика численности колхозников в 30-е, а также в послевоенные годы и на современном этапе. Это прежде всего связано с тем, что не исследована миграция сельского населения. Социалистическая реконструкция сибирской деревни сопровождается

лась большими миграционными потоками, вызванными не только оттоком населения из деревни в город в связи с потребностью индустриализации (это происходило повсеместно), но и переселением в Сибирь крестьян из других районов страны. Плановое переселение колхозников в Сибирь началось в 1935 г., достигнув к концу 30-х гг. больших масштабов. Предстоит обстоятельно проанализировать причины миграции крестьянского населения в город на различных этапах социалистического строительства и ее влияние на изменение социальной структуры деревни.

Начато изучение внутриклассовой структуры колхозного крестьянства. Большинство исследователей в качестве критерия членения его на различные социальные группы используют характер труда, степень профессиональной подготовки. Руководствуясь этим критерием, М. А. Вылцан выделяет три группы в колхозном крестьянстве конца 30-х гг.: I — административно-управленческий персонал, занятый преимущественно умственным трудом (5% трудоспособного населения колхозов); II — массовые квалифицированные кадры колхозов — механизаторы (7,3%); III — колхозники, не имевшие, как правило, профессиональной подготовки и специализации, занятые преимущественно ручным трудом (87,7%)⁴⁷. Внутриклассовые различия в колхозном крестьянстве, по мнению М. А. Вылцана, не исчерпываются различиями в характере труда. «Применительно к рассматриваемому периоду, — пишет он, — представляет интерес выделение слоев и групп, тесно или слабо связанных с общественным производством колхозов. Исходя из этого критерия, помимо основной массы колхозников, тесно связанной с общественным производством, выделяются: а) колхозники-отходники (ежегодная численность около 4 млн. человек), которые определенное время в году были заняты на государственных предприятиях, входя в контингент сезонных рабочих; б) так называемые «мнимые» колхозники (2,3 млн. человек), не принимавшие участия в общественном производстве колхозов и занятые в своем личном хозяйстве»⁴⁸.

Принимая за основу метод, предложенный М. А. Вылцаном, и используя массовые материалы переписи 1939 г., Н. Я. Гуцин, Э. В. Кошелева и В. Г. Чарушин попытались проанализировать внутриклассовую структуру колхозного крестьянства Западной Сибири⁴⁹.

Вопрос о границах класса колхозного крестьянства на каждом историческом этапе надо решать дифференцированно, показать этот класс не изолированно, а в сложной взаимосвязи с другими классами и социальными слоями. По мере развития технического прогресса, повышения культурно-технического уровня сельского населения, совершенствования общественных отношений в деревне происходит стирание как межклассовых, так и внутриклассовых различий. Однако с ростом профессионализма внутриклассовая структура колхозного крестьянства и работников совхозов

усложняется. В литературе нет общепринятых критериев внутриклассовых различий. На наш взгляд, Ф. И. Колодин прав, утверждая, что наиболее полное их определение дано Н. И. Лавринович: «Под внутриклассовой структурой колхозного крестьянства следует понимать совокупность диалектически взаимодействующих внутриклассовых социальных слоев, объединенных общностью классовых черт и отличающихся по характеру и содержанию их труда, роли в общественной организации труда в колхозном производстве, размеру получаемой доли произведенного общим трудом продукта, а также по степени участия в общественной жизни колхозов»⁵⁰.

Исходя из характера, содержания и качества труда сельского населения современные исследователи дают разное внутриклассовое членение, насчитывая от двух до шести и более социально-профессиональных групп. Так, Ф. И. Колодин, В. И. Староверов и др. в составе колхозников и рабочих совхозов выделяют три основные группы: 1) работники квалифицированного механизированного труда; 2) работники квалифицированного ручного труда; 3) работники малоквалифицированного и неквалифицированного труда⁵¹. Приведенная укрупненная группировка представляется наиболее простой и логичной при анализе социально-профессиональной структуры села.

Ю. В. Арутюнян в социально-профессиональной структуре села выделяет шесть групп: руководители и специалисты высшего звена; руководители и специалисты среднего звена; служащие; механизаторы; работники квалифицированного ручного труда; работники неквалифицированного ручного труда⁵².

П. Ф. Янкевич, рассматривающий внутриклассовую структуру колхозного крестьянства и рабочих совхозов на материалах Западной Сибири, в состав социальной структуры села включает рабочих, колхозников, интеллигенцию и служащих. Профессиональная же структура сельского населения, определяемая характером труда, по мнению автора, состоит из трех групп. Первая — «работники физического труда», куда относятся разнорабочие, «лица исключительно ручного труда без постоянного места работы, без определенных наклонностей к какому-либо виду труда»⁵³. Вторая группа — «работники, сочетающие физический и умственный труд», в состав которых, по мнению П. Ф. Янкевича, входят: «а) механизаторы; б) работники, занятые на постоянных работах в определенных отраслях полеводства; в) работники животноводства; г) строители; д) лица, работающие по наряду, преимущественно в одних и тех же отраслях полеводства и животноводства»⁵⁴. Третья группа — работники умственного труда, куда автор относит «работников управленческого аппарата»⁵⁵.

С приведенной классификацией вряд ли можно согласиться. Первая группа слишком обеднена, вторая же, наоборот, чрезмерно расширена — в нее включаются категории работников, существенно отличающиеся по характеру труда; главный же недостаток

состоит в том, что механизаторы — центральная фигура современной деревни — в ней, по сути дела, растворяются среди других работников, занятых преимущественно немеханизированным трудом. П. Ф. Янкевич, по-видимому, игнорирует вывод о том, что основными критериями понятия «колхозное крестьянство» являются не только связь с колхозно-кооперативной собственностью, но и занятость преимущественно физическим трудом.

Границы понятия «колхозное крестьянство» очень подвижны, и на различных исторических этапах (например, в конце 30-х гг. и в современный период) вопрос о их рамках, видимо, надо решать по-разному. Некоторые исследователи (П. А. Игнатовский, В. Б. Островский, П. И. Симуш, А. Ф. Чмыга и др.) выделяют внутри колхозного крестьянства особую социально-профессиональную группу — колхозную интеллигенцию. Они считают, что колхозное крестьянство включает в себя всех работников колхозов, в том числе и лиц, занимающихся преимущественно умственным трудом, — специалистов и руководителей⁵⁶.

Другая часть исследователей (М. Н. Руткевич, С. Л. Сенявский, В. И. Староверов и др.) рассматривает колхозную интеллигенцию как часть интеллигенции и не включает ее в состав колхозного крестьянства⁵⁷. К колхозному крестьянству С. Л. Сенявский относит лишь «работников физического сельскохозяйственного труда, владеющих групповой собственностью на средства производства и объединенных на этой основе в сельхозартели»⁵⁸. В состав колхозного крестьянства, по его мнению, не входят и те колхозники, «индустриальный труд которых не связан непосредственно с сельским хозяйством (токари, слесари, шоферы, строители и т. д.)». С. Л. Сенявский пишет, что «крестьянами их, безусловно, не назовешь»⁵⁹. Он оставляет открытым вопрос о принадлежности к колхозному крестьянству колхозников-механизаторов⁶⁰.

Историками выдвинут тезис о разграничении понятий «колхозное крестьянство» и «член колхоза» или «колхозник». В. М. Холкина пишет: «Понятие «колхозники» гораздо шире, чем «колхозные крестьяне». Агроном, зоотехник, ветеринар, инженер по сельскохозяйственным машинам и другие могут быть и чаще всего являются членами колхоза, но они не крестьяне, а относятся к интеллигенции, являясь ее особым слоем — сельской производственной интеллигенцией»⁶¹.

В литературе получают распространение термины «крестьяне-рабочие», «колхозники-интеллигенты», «крестьяне-служащие» для характеристики растущих групп колхозного крестьянства, не отличающихся по характеру труда от рабочих и интеллигенции. Ю. В. Арутюнян выдвинул положение о двухмерном подходе к изучению колхозной интеллигенции: как совладелец колхозно-кооперативной собственности она входит в состав колхозного крестьянства, по характеру труда (умственный, квалифицированный) — это часть советской интеллигенции⁶². Такой подход вполне правомерен и разделяется другими исследователями.

Так, И. М. Волков и А. П. Тюрина пишут: «Эта точка зрения позволяет точнее отразить исключительно быстрые изменения в социальном облике советской деревни, при которых не всегда удается точно определить границы («или» — «или») некоторых социально-классовых и социально-профессиональных групп»⁶³. Эти же исследователи правильно ставят вопрос об изменении границ колхозного крестьянства на разных исторических этапах. Они считают, что колхозная интеллигенция «стала складываться с победой колхозного строя. Завершение этого процесса произошло только во второй половине 50-х годов». В предыдущие годы председатель колхоза по характеру труда «мало отличался от рядового колхозника: значительную часть времени он проводил вместе со всеми колхозниками на работах в общественном хозяйстве»⁶⁴. И. М. Волков и А. П. Тюрина считают, что отряд колхозной интеллигенции сложился ко второй половине 50-х гг., говорить же о нем применительно к 30-м гг. преждевременно.

Различие позиций исследователей, трудности в определении состава и границ колхозного крестьянства отражают объективные, с небывалой активностью происходящие процессы социальных изменений в структуре деревни в целом, и в колхозном крестьянстве в частности, все большее сближение его с рабочим классом и интеллигенцией, достижение все большей социальной однородности общества. Историкам еще предстоит всесторонне охарактеризовать в динамике класс колхозного крестьянства: его численность и состав, социально-экономическое положение, трудовую и политическую активность, идеологию и социальную психологию, материальное положение, культуру, быт. Это касается и других социальных слоев деревни — аграрного отряда рабочего класса, сельской производственной и непроизводственной интеллигенции.

Необходимо также всесторонне изучить этапы формирования и структурные элементы социалистического образа жизни крестьянства и других социальных слоев — это наиболее отстающий участок историографии.

В изучении каждой региональной темы вообще, и истории сибирского крестьянства в частности, чрезвычайно важно решение проблемы общего и особенного в развитии исторического процесса. В исследованиях историков-аграрников Сибири при освещении региональной специфики до сих пор проявляются две крайности. С одной стороны, часто еще встречаются попытки подмены всестороннего глубокого анализа местного фактического материала общесоюзной схемой изложения событий, игнорирование особенностей развития крестьянства и сельского хозяйства Сибири. С другой стороны, проявляется и противоположная тенденция, выражающаяся в преувеличении особенностей Сибири, в недостаточном раскрытии общих закономерностей социалистического строительства в различных регионах страны, в неразрывной

взаимосвязи и взаимовлиянии исторических процессов, происходящих в европейской части страны и восточных ее районах⁶⁵.

Глубокое и всестороннее конкретно-историческое исследование на правильной методологической основе региональной специфики в развитии класса крестьян, аграрного отряда рабочего класса, сельской интеллигенции по-прежнему остается важной задачей историков-аграрников.

Краткий анализ историографии позволяет сделать вывод, что, несмотря на существенные успехи в разработке истории изменений социально-профессиональной структуры деревни, существует много проблем, чрезвычайно слабо изученных и дискуссионных. Монографическое исследование преобразования социальной структуры сибирской деревни в эпоху социализма за все годы Советской власти еще предстоит создать историкам — это важнейшая задача сибиреведов.

При подходе к рассматриваемой теме прежде всего встает вопрос о периодизации преобразований в социальной структуре советского общества. Это вытекает из указаний В. И. Ленина: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные исторические рамки...*»⁶⁶.

При анализе изменений социальной структуры наиболее правомерно выделение трех крупных этапов, соответствующих трем основным периодам истории советского общества: I — переходный период от капитализма к социализму (1917—1937 гг.); II — период построения развитого социалистического общества (1938 г. — конец 50-х — начало 60-х гг.); III — период развитого социализма (с начала 60-х гг.). Главными критериями выделения указанных этапов служат кардинальные, глубоко революционные по своей сущности преобразования в социально-политическом развитии общества: первый этап завершился полной ликвидацией эксплуататорских классов и классовых антагонизмов, построением в основном социалистического общества; второй — упрочением социалистических социально-классовых отношений и построением развитого социалистического общества. На разных этапах социалистического строительства — в период построения социализма и в период его развития и совершенствования на собственной основе, т. е. на базе уже созданных социалистических производственных отношений, — в области социальных преобразований решались различными методами принципиально разные задачи. В рамках каждого из этих крупных этапов можно вычлениить, как будет показано ниже, более дробные периоды социального развития.

Следует отметить, что грани между различными периодами социального развития, утверждения и совершенствования социалистических производственных отношений, как правило, не могут быть привязаны к конкретной дате, они носят чаще всего «размытый» характер. Так, грань между I и II этапами может быть отнесена к 1936—1937 гг., поскольку уже принятие новой конститу-

ции 1936 г. законодательно закрепляло победу социализма, построенного в основном в стране. В то же время и в 1937 г. в значительной мере продолжалось выполнение задач второй пятилетки по социалистической реконструкции народного хозяйства; курс на новый этап развития — завершение социалистического строительства — начался с 1938 г. и был провозглашен в плане третьей пятилетки. Грань между II и III этапами, т. е. время вступления страны в период развитого социализма, определяется примерно концом 50-х — началом 60-х гг.

Отмеченная особенность — «размытость» граней этапов социального развития — еще в большей степени относится к более дробным периодам. Например, до сих пор дискуссионным остается вопрос об окончании восстановительного периода в сельском хозяйстве после Великой Отечественной войны: одни исследователи относят его завершение к 1950 г., другие — к 1953 г.⁶⁷ Для социального развития деревни принципиальным рубежом был новый курс аграрной политики партии, принятый постановлением сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС и последующими решениями партии: создание благоприятных экономических условий для развития колхозов и совхозов, увеличение капиталовложений в сельское хозяйство и повышение материальной заинтересованности сельских тружеников, пополнение трудовых ресурсов села, направление в деревню многих отрядов квалифицированных кадров, формирование постоянных кадров механизаторов в МТС, быстрый рост совхозов.

Рубежи периодизации преобразования социально-профессиональной структуры деревни в основном совпадают с периодами развития советского общества в целом.

Литература и источники

1. Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976, с. 214.
2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 145—146.
3. Строительство коммунизма и развитие производственных отношений. — М., 1966, с. 7—8.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 205.
5. Материалы XXV съезда КПСС, с. 49.
6. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 45—49.
7. Рабочий класс и его союзники. Дискуссия марксистов. — Прага, 1977, с. 124.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42, с. 111.
9. Там же. Т. 3, с. 115—116, 175, 328, 423—424, 507, 592—596; и др.
10. Там же. Т. 40, с. 197.
11. Там же, с. 256.
12. Там же. Т. 39, с. 38—41, 177—178, 299—300; т. 40, с. 16-17; т. 41, с. 284; т. 44, с. 43; и др.
13. Там же. Т. 39, с. 299.

14. Там же. Т. 39, с. 42, 86—87, 241, 299—300, 397; т. 40, с. 16—17; и др.
15. См. там же: Т. 43, с. 59—60; и др.
16. Там же. Т. 39, с. 40.
17. Там же. Т. 43, с. 228.
18. Там же. Т. 37, с. 426.
19. Там же. Т. 36, с. 522.
20. См. там же: Т. 50, с. 38.
21. См. там же: Т. 52, с. 106; Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 гг. — М., 1969, с. 77—83.
22. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 366—368.
23. См. там же: Т. 42, с. 113.
24. Там же. Т. 36, с. 188.
25. Там же. Т. 39, с. 272.
26. Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. — Томск, 1960.
27. В. И. Ленин и социально-экономические преобразования Сибири за 50 лет Советской власти. — Красноярск, 1967; Материалы научной конференции по истории Сибири, посвященной 50-летию Великого Октября. — Томск, 1967; и др.
28. Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм. — Барнаул, 1969.
29. История Сибири. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. — Л., 1968.
30. Проблемы истории советского общества Сибири. Вып. III. История крестьянства Советской Сибири. — Новосибирск, 1970; Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1974; Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири. — Новосибирск, 1974; Осуществление ленинских идей о союзе рабочего класса и крестьянства в Сибири. — Барнаул, 1976; и др.
31. Социальная структура населения Сибири. — Новосибирск, 1970; Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в советский период. — Новосибирск, 1974; Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. — Томск, 1976; Проблемы истории советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1977; Из истории крестьянства Сибири. — Томск, 1978; Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма. — Новосибирск, 1978; Проблемы социального развития деревни советской Сибири. — Новосибирск, 1979; Культурное развитие советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1980; Социально-политическое развитие советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1980; и др.
32. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). — Новосибирск, 1973; Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. — Новосибирск, 1975; он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). — Новосибирск, 1976.
33. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. — Красноярск, 1972.
34. Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 — 1927 гг.). — Томск, 1969; он же. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921—1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). — Томск, 1978; Боженко Л. И., Гагарин А. В. Социально-политические организации в сибирской деревне (1920—1927 гг.). — Томск, 1971; Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни юго-западной Сибири в доколхозный период (конец 1919 — 1928 гг.). — Омск, 1976; Могилиц-

кая К. И. Развитие социалистических производственных отношений в сибирской деревне (20-е годы). — Томск, 1976; Соскина А. Н. История социальных обследований сибирской деревни в 20-е годы. — Новосибирск, 1976.

35. Пестриков Ф. С. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя (1927—1937 гг.). — Новосибирск, 1966; Степичев И. С. Победа ленинского кооперативного плана в восточно-сибирской деревне. — Иркутск, 1966; Антошин Ю. Г., Анисков В. Т. Сохозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. — Новосибирск, 1971; Гущин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне. — Новосибирск, 1972; он же. Сибирская деревня на пути к социализму. — Новосибирск, 1973; Редькин П. К. Преобразованная деревня. Начало технического перевооружения сибирской деревни и его социально-экономическое значение. — Кемерово, 1974; он же. Преобразованная деревня. Создание и укрепление материально-технической базы социалистического сельского хозяйства Западной Сибири (1929—1937 гг.). — Кемерово, 1977; Иванов Б. В. Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920—1927 гг.). — Томск, 1977.

36. Янкевич П. Ф. Социальные изменения в крестьянстве Западной Сибири. — М., 1970; Медников В. П. Союз, закаленный в борьбе и труде. — Барнаул, 1973; Гущин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы. 1935—1941. — Новосибирск, 1975; Гущин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.). — Новосибирск, 1978; и др.

37. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. 1941—1945 гг. — Барнаул, 1966; и др.

38. Ульянов Л. Н. Трудовой подвиг рабочего класса и крестьянства Сибири. 1945—1953 гг. Исторический опыт борьбы КПСС за восстановление и развитие сельского хозяйства крупного региона страны. — Томск, 1979.

39. Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири. — Новосибирск, 1977; и др.

40. Историография крестьянства Советской Сибири. — Новосибирск, 1976.

41. Эта книга получила положительную оценку научной критики: см. рецензии Волкова И. М. и Зеленина И. Е. — Вопр. истории, 1977, № 8; Погудина В. И. — Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук, 1977, вып. 2. № 6.

42. Гущин Н. Я., Московский А. С., Соскин В. Л. Историография Сибири (Советский период). — Новосибирск, 1980, с. 23-55.

43. См.: Историография крестьянства Советской Сибири, с. 228—230.

44. Янкевич П. Ф. Социальные изменения в крестьянстве..., с. 11, 73; Волков И. М., Тюрина А. П. Основные проблемы истории колхозного крестьянства СССР. — В кн.: Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981, с. 36—37; и др.

45. Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.). — М., 1971, с. 16.

46. Погудин В. И. Освещение в советской литературе изменения социальной структуры колхозной деревни. — В кн.: Проблемы социально-экономического развития советской деревни. Вологда, 1975, с. 5.

47. Вылцан М. А. Упрочение колхозного строя в довоенные годы (1935 — июнь 1941 г.): Автореф. докт. дис. — М., 1971, с. 47—48.

48. Там же, с. 48.

49. Гуцн Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири..., с. 79—84.
50. Цит. по статье Колодина Ф. И. Социальная структура села в условиях развитого социализма. — История СССР, 1981, № 1, с. 11—12.
51. Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. — М., 1978, с. 245.
52. Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. — М., 1971, с. 87-88.
53. Янкевич П. Ф. Социальные изменения в крестьянстве..., с. 202—203.
54. Там же.
55. Там же, с. 208.
56. Игнатовский П. А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. — М., 1971, с. 35; Островский В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя. — М., 1977, с. 215; Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. — М., 1976, с. 142; Чмыга А. Ф. О внутриклассовой структуре колхозного крестьянства на современном этапе. — В кн.: Проблемы истории советского крестьянства, с. 176—181.
57. Руткевич М. Н. Тенденции развития социальной структуры советского общества. — М., 1975, с. 22; Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970 гг. — М., 1973, с. 121—128; Староверов В. И. Советская деревня на этапе развитого социализма. — М., 1976, с. 93.
58. Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре..., с. 124.
59. Там же, с. 123.
60. Там же, с. 128.
61. Классы, социальные слои и группы в СССР. — М., 1968, с. 108.
62. Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР, с. 11.
63. Волков И. М., Тюрина А. П. Основные проблемы истории колхозного крестьянства СССР. — В кн.: Проблемы истории советского крестьянства, с. 50.
64. Там же, с. 50—51.
65. См.: Историография крестьянства Советской Сибири, с. 248—253.
66. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 263.
67. См.: Историография крестьянства Советской Сибири, с. 330—331.

Глава 1. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДЕРЕВНИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ (1917—1937 гг.)

Важнейшим этапом преобразования социальной структуры в нашей стране был переход от общества социально расколотого к обществу социально единому, начавшийся с октября 1917 г. и закончившийся в середине 30-х гг., когда в основном был построен в нашей стране социализм. В рамках этого этапа решающими рубежами революционной ломки старой и создания новой социальной структуры были Октябрьская революция и коллективизация. Октябрьская революция ликвидировала класс помещиков и крупной промышленно-финансовой буржуазии и положила начало формированию новой социальной структуры советского общества. На базе коллективизации сельского хозяйства был ликвидирован последний и самый многочисленный эксплуататорский класс — кулачество. Исчезли источники, порождавшие эксплуататоров и эксплуатацию человека человеком; был коренным образом преобразован класс крестьян. Таким образом, в рамках переходного периода от капитализма к социализму отчетливо вычлняются три более дробных периода: 1) революционный социальный переворот, совершенный во время Октябрьской революции и гражданской войны; 2) эволюция социально-классовой структуры на базе нэпа, в условиях многоукладной экономики — 20-е гг.; 3) коренные преобразования социально-классовой структуры в результате ликвидации частной собственности и построения в основном социалистического общества¹.

Социальная структура дореволюционной сибирской деревни отличалась некоторыми особенностями. В Сибири не было помещичьего землевладения, и капитализм в основных земледельческих районах ее, особенно после проведения Транссибирской железной дороги и начала массового переселения, развивался беспрепятственно и более быстро, чем в обремененном пережитками крепостничества центре страны. Специфика расслоения сибирского крестьянства в предреволюционные годы проявлялась в наличии многочисленной прослойки мощного кулачества, в большей зажиточности середняков и меньшей, чем в центре, доле бедняков. Накануне революции в целом по стране удельный вес бедноты составлял 65%, середняков — 20, кулаков — 15%. Данные различных исследователей о социальном составе дореволюционной сибирской деревни существенно расходятся, однако все исследователи подтверждают отмеченную выше особенность Сибири. По данным В. Г. Тюкавкина, бедняков здесь было 40—50% (при колебании по отдельным районам от 30 до 60%), кулаков — 20—24% (при колебании от 7 до 32%)². По подсчетам Л. М. Горюшкина, в 1917 г. из 1400 тыс. крестьянских хозяйств Сибири сельская беднота составляла примерно 49,2%, середняки — 31,8, сельская буржуазия — 19%³.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, осуществления аграрной революции социальная структура общества, в том числе и деревни, принципиально изменилась. Классы российских помещиков и капиталистов были экспропрированы, существенно ослаблены позиции кулачества. Коренным образом преобразовано положение рабочего класса: из угнетенного, эксплуатируемого и бесправного он превратился в руководящую силу общества; было создано государство диктатуры пролетариата. Ведущей тенденцией социального развития общества стало сотрудничество двух трудящихся классов — рабочих и крестьян. Социальное положение крестьянства также принципиально изменилось: крестьяне освободились от гнета помещиков и крупных капиталистов; были значительно ограничены кулаки — сократилась их численность, экономическая мощь, возможности эксплуатации; подняла свою хозяйственную состоятельность беднота; произошло осереднячивание, подъем материального благосостояния трудящегося крестьянства стал главным итогом социального развития деревни. По мнению авторов книги «Изменения социальной структуры советского общества», бедняцко-батрацкая группа составляла в 1920 г. примерно 35—40%, середняцкая — 55—60, кулацкая — 3% (с. 222, 226, 227).

В Сибири, как и по всей стране, аграрная революция прошла два этапа: буржуазно-демократической и социалистической. Однако хронологические рамки этих этапов, объем буржуазно-демократических и социалистических задач, соотношение их имели в Сибири свою специфику, обусловленную как особенностями социально-экономического развития сибирской дореволюционной деревни, так и трудностями борьбы за власть Советов. Аграрные преобразования в Сибири ввиду более высокой землеобеспеченности и меньшей злободневности земельного вопроса не играли такой большой роли, как в Европейской России. В 1919—1921 гг. главное место в деятельности советских органов Сибири занимали ликвидация последствий колчаковщины и белобандитизма, а также продовольственные заготовки. Однако эти особенности не меняли основных закономерностей развития сибирской деревни: аграрная революция здесь также ликвидировала феодальные пути и ограничила капиталистические отношения, содействовала осереднячиванию и подъему материального благосостояния трудящегося крестьянства.

Состояние источниковой базы не позволяет точно определить социальный состав сибирской деревни в 1920 г. По подсчетам Л. И. Жоженко, обстоятельно исследовавшего социальную структуру сибирской деревни начала 20-х гг., в 1920 г. бедняков здесь было 43—45%, середняков — 48—50, кулаков — 7—9%⁴.

В Сибири революционные аграрные преобразования несколько затянулись и продолжались в 1921 г., когда нивелировка деревни проявилась значительно рельефнее, чем в 1920 г. Общих показа-

телей в целом по Сибири статистика не дает, но выборочные данные достаточно убедительно выявляют эту тенденцию. Так, в Томской губернии с 1920 по 1921 г. удельный вес беспосевных хозяйств снизился с 5,3 до 3,7%, крупнопосевных (свыше 12 дес.) — с 7,7 до 1,1, а среднепосевных (с 3 до 6 дес.) возрос с 28,2 до 31,6%⁵. Тенденция к осереднячиванию и сокращению полюсных групп прослеживается и по обеспеченности хозяйств скотом. Поравнение деревни особенно отчетливо проявилось в 1922 г., хотя на результатах этого года еще в большей степени, чем предыдущего, сказались последствия послевоенного кризиса и неурожая. С 1920 по 1922 г. доля хозяйств без посева сократилась с 12,9 до 7,7%, а с посевом свыше 10 дес. (преимущественно кулацких) — с 10,6 до 2,5%. Кулачество, политически потерпевшее поражение сначала вместе с колчаковщиной, а потом в ходе разгрома мятежей и банд, экономически подрезанное продразверсткой и реквизициями, частично было ликвидировано, частично ослаблено, замаскировалось, притаилось, потеряло свое бывшее руководящее положение в жизни деревни. Однако сибирская деревня не прошла школы комбедов, и кулачество в Сибири было ограничено в этот период значительно меньше, чем в центре страны: ему удалось сохранить основную массу средств производства, в том числе почти все сельскохозяйственные машины и инвентарь.

В рассматриваемый период началось строительство первых колхозов и совхозов. По данным Сибземотдела, на 1 ноября 1920 г. в Сибирском крае насчитывалось 533, а на 1 октября 1921 г. — 1067 колхозов, которым принадлежал 1% всех посевов. Но подавляющее большинство крестьянских хозяйств продолжало оставаться мелкими товарными производителями; наряду с поравнением сохранилось неравенство в земельных отношениях и еще в большей степени в распределении инвентаря и скота. В целом на первом этапе произошли революционные социальные сдвиги, заложившие фундамент для создания качественно новой социальной структуры на основе социалистической реконструкции народного хозяйства и утверждения социалистических производственных отношений.

Во второй период социального развития, охватывающий 20-е гг., происходили дальнейшие изменения социально-классовой структуры советского общества и перегруппировка классовых сил в условиях многоукладной экономики на базе нэпа. В эти годы основная тенденция в классовом расслоении деревни, как и в период аграрной революции, проявлялась в осереднячивании — консолидации и росте средних слоев, подъеме материального благосостояния крестьянства. Принципиально новый в условиях диктатуры пролетариата характер расслоения крестьянства в сравнении с капитализмом, где происходит «раскрестьянивание» — разложение крестьянства на сельскохозяйственных пролетариев и буржуазию, в решающей степени определен политикой

Советского государства, сознательно и планомерно регулировавшей социально-экономические процессы в интересах социализма. Вся экономическая политика Советского государства (финансирование, кредитование, землеустройство, машиноснабжение, налоговая и хлебозаготовительная системы) была направлена на то, чтобы содействовать хозяйственному подъему трудящихся масс деревни, развитию социалистических форм хозяйства и ограничению капиталистических отношений.

Общая для «доколхозной» деревни закономерность, выражающаяся в осереднячивании, в различные периоды проявлялась по-разному. В 1921—1923 гг. в сибирской деревне продолжалось начатое в годы революции и гражданской войны резкое сокращение полярных групп — кулачества и батрачества — при росте бедноты в связи с послевоенной разрухой и обнищанием деревни. Число середняцких хозяйств в 1921—1922 гг. несколько сократилось, но с 1923 г. вновь начался их рост. В 1924—1927 гг. на основе хозяйственного подъема деревни усилилась дифференциация крестьянства; при продолжающемся осереднячивании происходили рост кулачества и батрачества и сокращение бедноты. В 1928—1929 гг. наступление на кулака привело к ограничению его позиций и в то же время к сокращению числа батраков и бедняков. Социально-экономическое расслоение в Сибири прошло принципиально те же этапы, что и в европейской части страны. Особенности Сибири состояли главным образом в том, что сокращение кулаков продолжалось здесь вследствие своеобразия аграрной революции до 1922—1923 гг., а накануне коллективизации ограничение позиций быстро выросшего и укрепившегося в условиях нэпа сибирского кулачества отчетливо проявилось лишь в мае 1929 г. (а не в 1928 г., как по стране)⁶.

Сибирский край в середине и второй половине 20-х гг. представлял собой район острого классового расслоения, где удельный вес кулачества был выше, а бедноты — ниже, чем в большинстве других районов страны. Это объяснялось как историческими причинами (мощь сибирского дореволюционного кулачества, сравнительная зажиточность сибирского крестьянства, особенности аграрной революции), так и интенсивностью процесса классового расслоения в Сибири в условиях нэпа. Расслоение сибирской деревни усилилось вследствие переселения (основной контингент переселенцев составляли маломощные слои), высокой товарности основных отраслей сельского хозяйства (молочного скотоводства и зернового производства), широкого сохранения вольнозахватного землепользования, при котором кулаки сосредоточивали в своих руках в 2—4 раза больше земли (при этом лучшей по качеству), чем беднота, сравнительной насыщенности сибирской деревни машинами при большей концентрации их у кулаков. В 1927 г. соотношение различных социальных слоев в сибирской деревне было следующим: батраки — 9,9%, бедняки — 20,7, середняки — 62,7, кулаки — 6,7, а в целом по стране соответственно 10,0; 23,3; 62,8; 3,9%⁷.

На основе решений XV съезда партии, принявшего курс на коллективизацию сельского хозяйства и усиление наступления на кулака, классовая политика пролетарского государства в защиту интересов трудящегося крестьянства начала проводиться более эффективно и наступательно, все экономические рычаги диктатуры пролетариата стали использоваться в интересах социалистического развития деревни более целенаправленно. Государственное кредитование, размеры которого за вторую половину 20-х гг. выросли в три раза, почти полностью вытеснило из оборота ростовщика-частника и направлялось главным образом на развитие средств производства обобщественного сектора: в 1928/29 г. колхозы и простейшие производственные объединения получили 71,9% всех кредитов, доля же кулаков упала до 0,2%. В политике машиноснабжения также все более последовательно проводился классовый принцип: колхозы, совхозы, простейшие производственные объединения, беднота пользовались преимущественным льготным машиноснабжением; кулаков ограничивали в приобретении машин — с 1926 г. им запрещались поставки тракторов, в 1928 г. все тракторы у кулаков были изъяты. Обобщественный сектор в 1928/29 г. получил 35% всех машин; в индивидуальном секторе доля бедноты в приобретении машин составляла 34,6%, середняков — 62,6, кулаков — 2,8%.

Все более действенным рычагом хозяйственного подъема бедноты и ограничения кулачества выступала налоговая политика: в 1928/29 и 1929/30 гг. свыше 35% маломощных крестьян были полностью освобождены от обложения, кулаки же уплачивали около 40% всей суммы сельскохозяйственного налога. Ту же роль играла политика хлебозаготовок и твердых цен на сельскохозяйственные продукты, последовательно проводившаяся Советским государством; она пресекала попытки кулачества нажиться на спекуляции хлебом и защищала интересы бедноты. Применение чрезвычайных мер против кулаков в хлебозаготовительной кампании 1927/28 г., пятикратное обложение кулаков в 1928/29 г., новый порядок хлебозаготовок в 1929/30 г., устанавливающий для кулаков твердые, обязательные для выполнения задания, существенно подорвали экономические позиции и влияние кулачества. Развитие же контрактации сельскохозяйственных производств (в 1929/30 г. было законтрактовано около 24% посевов зерновых и 40% технических культур) отвечало интересам трудящихся, усиливало планово-регулирующее воздействие пролетарского государства на развитие деревни и содействовало кооперированию.

Все более ограничивая кулаков, Советское государство с каждым годом увеличивало по различным каналам помощь бедноте: в 1926/27 г. общая сумма помощи бедноте (возвратная и безвозвратная) составила 8,9 млн., в 1927/28 г. — 19,8 млн., в 1928/29 г. — 28,1 млн. руб. В 1927/28 г. сумма помощи была лишь на 2,5 млн., а в 1928/29 г. на 5 млн. руб. ниже сельскохозяйственного налога,

поступившего от крестьян за эти годы. Советское государство в гигантских масштабах перераспределяло экономические блага в пользу прежде всего бедноты, спасая ее от разорения, нищеты и кабалы, помогая ее хозяйственному подъему, регулировало процесс социальной дифференциации в направлении осереднячивания, подготавливало переход крестьянства к коллективным социалистическим формам хозяйствования.

Социально-экономические сдвиги в деревне во многом определялись развитием кооперации, представлявшей для крестьян постепенный, доступный и понятный путь перехода к социализму. Уровень развития кооперации в сибирской деревне (особенно молочных и машинных товариществ) был более высокий, чем в большинстве других районов и в среднем по стране. Накануне массовой коллективизации примерно 20—25% крестьян Сибирского края входило в простейшие производственные кооперативы, 50% — в молочные и почти 40% — в кредитные товарищества. За вычетом двойного членства примерно 78—80% крестьян Сибири было охвачено сельскохозяйственной кооперацией (в стране — 57%). Высокая степень кооперирования являлась следствием предшествующего исторического развития (кооперация была широко распространена и до революции), большой товарности основных отраслей сибирского сельского хозяйства, специфики переработки и сбыта продукции маслоделия (молочные артели), повышенной в связи с условиями земледелия потребности сибирского крестьянина в машинах (машинные товарищества).

Решающая роль в становлении социалистических производственных отношений в деревне принадлежала колхозному строительству. После XV съезда партии начался новый этап в колхозном движении, который проявился как в резком ускорении темпов его роста (с октября 1927 г. по июнь 1929 г. уровень коллективизации крестьянских хозяйств поднялся с 0,7 до 4,5%), так и в качественных сдвигах, выразившихся в укрупнении колхозов, повышении в них уровня обобществления средств производства, увеличении доли середняка в колхозном движении, организационно-хозяйственном укреплении колхозов, налаживании в них организации учета и оплаты труда.

В 20-х гг. происходили также рост численности совхозов и их организационно-хозяйственное укрепление. В 1929 г. в Сибири насчитывалось 77 совхозов. Во второй половине 20-х гг. число крупных трестированных хозяйств и посевные площади их увеличились в два раза, поголовье скота — почти в пять раз, повысилась механизация совхозного труда, улучшились его организация и оплата, многие хозяйства стали образцовыми.

Социально-экономический строй деревни второй половины 20-х гг. характеризовался пестрым сочетанием различных социально-экономических укладов, острой борьбой социалистических и капиталистических элементов. В экономике деревни переплетались элементы капиталистического, мелкотоварного, патриархаль-

ного и социалистического укладов, в ней сочетались черты и свойства двух типов общественного хозяйства — капиталистического и социалистического, борьба между которыми по формуле «кто кого» заполняла всю переходную эпоху. При этом соотношение различных социальных элементов все больше менялось в пользу социализма, так как в условиях Советской власти формирование социально-экономических отношений происходило при воздействии диктатуры пролетариата и ее рычагов, при все возрастающем влиянии социалистического города.

На всем протяжении 20-х гг. преобладающие позиции в деревне занимал мелкотоварный уклад, представленный в основном хозяйствами крестьян-середняков. В 1927 г. середняки в Сибирском крае составляли 63,1% крестьянских хозяйств, владели 72,5% основных средств производства и давали почти три четверти товарного хлеба.

Капиталистический уклад был представлен хозяйствами кулаков. Они составляли 6,7% крестьянских хозяйств, владели 15,2% посевов, им принадлежало 18,9% всех основных средств производства, в том числе хозяйственных построек — 20,2%, торгово-промышленных заведений деревни — 54,1, скота — 15,8, инвентаря и машин — 26,1%.

Социалистический уклад был представлен колхозами и совхозами. За вторую половину 20-х гг., особенно в 1928-1929 гг., в развитии деревни произошли принципиальные социально-экономические сдвиги. После XV съезда партии социалистический уклад стал быстро расти и приобрел значительные позиции в экономике. Удельный вес колхозов и совхозов в посевных площадях увеличился с 2,3% в 1928 г. до 6,9% в 1929 г., в валовой продукции сельского хозяйства — с 2,7 до 5,8%, в том числе в продукции полеводства — с 4 до 8,9, в продукции животноводства — с 0,9 до 3,2, в валовом сборе зерновых — с 3,7 до 8,6, в товарной продукции зерновых — с 3,5 до 13,3%. В то же время позиции капиталистических элементов в деревне были сильно подорваны. Частный капитал почти целиком был вытеснен из товарооборота. Если в 1925/26 г. его доля в розничном товарообороте Сибирского края составляла 31,4%, то в 1928/29 г. — лишь 7,4% (в городе 13,8, в деревне 1,9%). Удельный вес кулаков в общем числе хозяйств сократился с 6,7% в 1927 г. примерно до 5% в 1929 г., в посевах — с 15,2 до 10,7, в валовом сборе зерновых — с 18,1 до 14,2, в товарной продукции зерновых — с 25,5 до 20,6%.

Получившая широкое распространение потребительская и сельскохозяйственная кооперация еще не ликвидировала антагонизмы и дифференциацию среди крестьянства (кулачество до известной степени использовало кооперацию для обогащения), но, все больше внедряя элементы обществления и коллективизма, меняла характер производственных отношений в деревне, зарождала социалистические начала. Развитие кооперации, колхозов и совхозов существенно ограничило сферу буржуазных и мелкобуржуазных

производственных отношений (хотя она и продолжала преобладать в сельскохозяйственном производстве вплоть до сплошной коллективизации) и подготовило победу социалистических производственных отношений над капиталистическими.

Многоукладный характер экономики, соотношение классов, стоящих за социально-экономическими укладами, определили и социальный состав сельского населения. Согласно переписи населения 1926 г., сельское население Сибирского края насчитывало 7,5 млн. чел., в том числе в Западной Сибири проживало около 6,4 млн. чел.

Для подавляющего большинства деревенских жителей (94%) главным источником существования была работа в сельском хозяйстве. Материалы переписи не дают точного социального членения сельских жителей. По примерным расчетам, 86—87% их общего числа составляли мелкотоварные производители-крестьяне. В капиталистическом укладе было занято примерно 6,5% населения. Среди самостоятельного населения перепись зарегистрировала 211,2 тыс. рабочих — 4,28%. Около половины из них было занято в сельском хозяйстве, остальные — в промышленности, строительстве и прочих отраслях экономики. Из занятых в сельском хозяйстве рабочих 92% составляли батраки. Перепись зарегистрировала 81,1 тыс. батраков. По плотности найма (соотношение числа наемных рабочих с числом крестьянских хозяйств) сибирская деревня стояла на одном из первых мест в стране. В 1927 г. в крае имелось 174,5 тыс. сроковых рабочих (кроме того, было еще 177,2 тыс. поденных работников).

Отряд совхозных рабочих только зарождался: в 1929 г. в совхозах Западной Сибири насчитывалось лишь 10,2 тыс. рабочих и служащих (включая сезонных и временных рабочих). Всего в социалистическом секторе было занято около 3% сельских жителей края. В деревне начал формироваться новый социальный тип — крестьянин-колхозник. В середине 1929 г. в состав колхозов входило 304,5 тыс. чел., т. е. около 3,7% сельского населения.

Характеристика социальной структуры деревни была бы неполной без показа положения сельской интеллигенции. В доколхозной деревне прослойка работников умственного труда была крайне малочисленной. Перепись 1926 г. зарегистрировала в сибирской деревне 60 тыс. служащих, что составило 1,3% самостоятельного сельского населения. Однако преобладали категории служащих (младший обслуживающий, средний технический, хозяйственный, торговый персонал и т. п.), по характеру труда и социальному положению близкие к рабочим, занимавшиеся не столько умственным, сколько физическим трудом. Прослойка специалистов на селе была немногочисленной. Перепись зарегистрировала в деревнях Сибири 379 агрономов, 66 землемеров, 210 лесничих и таксаторов, 66 ветеринаров, 23 инженера, 239 врачей, 1168 лиц среднего медицинского персонала, 11176 работников искусств и культурно-просветительных учреждений, в том

числе 9812 учителей. Они составляли от числа кадровых служащих в Сибири 22,1% (в среднем по стране 32,8%), а среди всего самостоятельного населения края — менее 0,3%. Рассматриваемые категории специалистов в значительной степени принадлежали уже к социальной прослойке интеллигенции, т. е. к работникам умственного квалифицированного труда.

К концу 20-х гг. численность различных категорий сельской интеллигенции несколько выросла. В 1929 г. агрономический и зоотехнический персонал в Сибири состоял из 992 работников с высшим и 1958 со средним образованием. В деревне трудилось около 16 тыс. учителей, 14 тыс. избачей, 270 библиотечарей, примерно 500 врачей. В социально-экономическом и идейном отношении сельская интеллигенция отличалась неоднородностью. В ней выделялись три слоя: передовая часть, честно и сознательно участвовавшая в социалистическом строительстве; специалисты, продолжавшие придерживаться нейтральной позиции; консервативные, враждебно настроенные элементы. И хотя численно преобладала «нейтральная» часть, определяющим показателем в развитии интеллигенции было то, что все большее число ее представителей становилось активными борцами за социализм. Однако в целом сельская интеллигенция только еще зарождалась. Различия в профессиональном и квалификационном уровне среди сельского населения были незначительны, так как крестьянин в своем единоличном хозяйстве был «универсалом». В деревне господствовал ручной труд, широко использовались машины конной тяги.

В третий период социального развития (конец 1929 — 1937 гг.) на основе победы колхозного строя, социалистической реконструкции всего народного хозяйства, утверждения безраздельного господства социалистических производственных отношений происходят коренные качественные изменения социальной структуры советского общества: полностью ликвидируются эксплуататорские классы и источники, их порождающие, формируются классы социалистического общества, заканчивается переход от общества социально расколотого к обществу социально единому. В конце 1929 г. в основных зерновых районах края начинается массовое колхозное движение, а к концу первой пятилетки в колхозах уже объединено в Западной Сибири 63%, в Восточной около 50% крестьянских хозяйств. В годы второй пятилетки коллективизация, по сути дела, завершена, ею охвачено в Западной Сибири 94%, в Восточной 91% крестьянских хозяйств; колхозы окрепли в организационно-хозяйственном отношении.

Победа социализма, одержанная на основе осуществления политики социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, привела к коренному преобразованию социальной структуры всего общества, в том числе и сельского населения⁸. К 1939 г. соотношение различных социальных групп в населении Западной Сибири существенно не отличалось от средних показателей по стране (табл. 1).

Социальный состав населения Сибири, РСФСР и СССР
по данным переписи 1939 г., %

Регион	Рабочие	Служащие	Колхозники	Кооперированные кустари	Некооперированные кустари и единоличники	Прочие
Западная Сибирь	34,7	16,1	44,5	2,5	2,0(0,7 + 1,3)	0,2
Восточная Сибирь	42,9	19,3	34,1	1,5	1,9(1,0 + 0,9)	0,3
РСФСР	35,0	18,6	41,5	2,4	2,5	
СССР	32,5	17,7	44,9	2,3	2,6	

В социальной структуре населения Сибири произошли принципиально те же изменения, что и в целом по стране. Отличие Сибири состояло лишь в том, что численность городского населения здесь возрастала более быстрыми темпами, чем в среднем по стране. Количество городского населения в период между двумя переписями (с 1926 г. по 1939 г.) возросло примерно в 3,1 раза (в СССР в 2,1 раза). Ускоренные темпы прироста городского населения были отражением бурного процесса индустриализации Сибири в 30-х гг. По удельному весу городского населения в 1939 г. Сибирь почти достигла средних по СССР показателей. Если в 1926 г. доля городского населения в Сибири составляла 13, а в среднем по СССР 17,9%, то в 1939 г. соответственно — 31,9 и 32,9%. Сельское же население по численности приблизительно осталось на прежнем уровне, но его доля в общей массе населения значительно сократилась.

Утверждение социалистических производственных отношений в деревне привело к принципиальным изменениям в социальном составе сельского населения (табл. 2).

Победа колхозного строя и построение социализма в СССР впервые в истории человечества позволили разрешить вековую социальную проблему общественного развития — ликвидировали эксплуататорские классы, в том числе и самый многочисленный из них — кулачество, и эксплуатацию человека человеком. Пролойка крестьян-единоличников и некооперированных кустарей сократилась до незначительной величины.

Крупные количественные и качественные изменения в ходе социалистической реконструкции сельского хозяйства произошли в составе сельских рабочих и служащих. С развитием совхозного производства, строительством МТС, промышленных предприятий,

Численность и социальный состав сельского населения Сибири
(по данным переписи 1939 г.)

Социальная группа	Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
	тыс.	%	тыс.	%
Рабочие	1523,7	24,0	936,6	34,1
Служащие	678,1	10,7	370,3	13,5
Колхозники	3880,8	61,2	1345,4	49,0
Кооперированные кустари	108,5	1,7	33,7	1,2
Некооперированные кустари	40,2	0,6	23,3	0,9
Крестьяне- единоличники	105,8	1,7	30,9	1,1
Не указавшие соци- альной группы	8,3	0,1	7,1	0,2
Все сельское население	6345,4	100,0	2747,3	100,0

культурно-бытовых и других учреждений росло число рабочих и служащих. Данные переписи 1939 г. свидетельствуют, что доля рабочих в сельском населении, в сравнении с переписью 1926 г., выросла примерно в 5 раз, а доля служащих в 16 раз. Доля рабочих и служащих в составе сельского населения Западной Сибири достигла 34,7%, Восточной — 47,6% и стала выше, чем в среднем по СССР (27,1%).

Произошли качественные изменения в социально-политическом облике классов, в деревне сформировались социалистические классы и слои: аграрный отряд рабочего класса (преимущественно рабочие совхозов и МТС), колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция. Передовой социально-политической силой деревни стал крупный аграрный отряд социалистического рабочего класса. Весной 1936 г. в совхозах Сибири было занято 196,4 тыс. рабочих и служащих, из них 153,2 тыс. рабочих. Постоянный персонал МТС в это время насчитывал 26,1 тыс. человек, в том числе 11,2 тыс. рабочих⁹.

Сельскохозяйственные рабочие занимают особое место в составе рабочего класса: по отношению к средствам производства и формам оплаты труда они относятся к рабочему классу, по характеру и формам труда близки к крестьянству. Им были присущи черты, характерные как для рабочего класса, так и для крестьянства. По мере роста технической вооруженности сельскохозяйственного труда сельскохозяйственные рабочие приобретали

все больше черт, свойственных индустриальным рабочим. Уже в предвоенные годы рабочие совхозов и МТС в социальном и политическом отношении являлись передовой силой деревни, выступали зачинателями новых прогрессивных методов труда, социалистического соревнования, активистами общественно-политической жизни.

Техническая реконструкция деревни привела к появлению и быстрому росту механизаторских кадров: трактористов, комбайнеров, машинистов, механиков, шоферов. В 1936 г. комбайнеры были зачислены в штат МТС. Трактористы с созданием в 1933—1934 гг. постоянных тракторных бригад и с введением в 1937—1939 гг. гарантированной денежной оплаты по своему положению также все больше приближались к рабочим, представляя особую категорию колхозников — рабочих МТС. В конце 1937 г. постоянные кадры МТС Западной Сибири составляли около 58 тыс. чел., в том числе 8,4 тысячи комбайнеров, 7,1 тыс. бригадиров тракторных бригад и их помощников, 7,3 тыс. ремонтных рабочих и т. д. Кроме того, на учете в МТС числилось 45,2 тыс. трактористов-колхозников, не входящих до 1939 г. в число работников МТС. В 1939 г. число рабочих и служащих в МТС и МТМ Сибири составило 125 тыс. чел.

Кроме механизаторов отряд сельскохозяйственных рабочих включал многочисленную группу рабочих, занятых конно-ручным трудом. В Новосибирской области общее число рабочих-механизаторов (в том числе все трактористы) составляло около 25 тыс. чел. (около 36% работающих); рабочих, занятых конно-ручным трудом (скотники, конюхи, пастухи, садовники, огородники), насчитывалось 30,7 тыс. чел. (49%). Профессиональное разделение труда в группе рабочих было рельефнее, чем у колхозников. Наиболее квалифицированные кадры (механизаторы, инженерно-технические работники и т. п.) сосредоточились в МТС и МТМ: в их составе практически не имелось лиц без обозначения специальности, а доля младшего обслуживающего персонала была незначительна.

Сравнительно высокий уровень профессионализма наблюдался среди работников совхозов. В конце 30-х гг. в совхозах Сибири насчитывалось примерно 200 тыс. работников, из них около 4% составляли агрономы, инженеры и техники, кроме того, 5—6% — другие служащие; число постоянных рабочих достигало 70%, значительная часть среди них имела профессию и квалификацию. Так, в совхозах Алтайского края насчитывалась в 1939 г. 31 тыс. рабочих, в том числе 1590 трактористов и бригадиров тракторных бригад, 657 комбайнеров, 450 шоферов, 179 механиков. Вместе с ремонтными рабочими удельный вес квалифицированных рабочих превышал 10%. В целом уровень профессиональной подготовки среди рабочих, занятых в сельском хозяйстве, был значительно выше, чем колхозников. В Новосибирской области лица без обозначения специальности составляли среди рабочих около 10%, а среди колхозников 70%.

Изменения, вызванные индустриализацией, привели к тому, что значительное число сельских жителей трудилось в промышленности, строительстве и на транспорте: в Западной Сибири 264,2 тыс. чел. (9,8%), в Восточной Сибири 236,0 тыс. чел. (19,9%). Из 594,9 тыс. рабочих, занятых в сельской местности Западной Сибири, примерно около трети трудилось в сельском хозяйстве, остальные — в других отраслях народного хозяйства. Возрастание численности рабочих оказывало большое влияние на социальную эволюцию села, усиливалась роль рабочего класса в жизни деревни.

Число служащих, занятых в сельской местности, по данным переписи 1939 г., составляло в Сибири 364,2 тыс. чел. Около 10% из них работали в сельском хозяйстве, в основном в МТС и совхозах.

Победа колхозного строя изменила саму сущность, природу крестьянства. В деревне было покончено с социальной раздробленностью, прекратилось расслоение крестьянства на бедняков, середняков, кулаков. На основе социалистической кооперативно-колхозной собственности на средства производства сформировался социалистический класс — колхозное крестьянство, однотипный по социально-экономической природе с рабочим классом.

Коренным образом изменилось положение крестьянства в системе общественного производства. В отличие от крестьян-бедняков и середняков, занятых в системе мелкотоварного производства, колхозное крестьянство трудилось в новой социалистической системе производства. В результате победы колхозного строя иным стало отношение крестьянства к средствам производства. Из частного собственника оно превратилось в класс, образованный на основе колхозно-кооперативной собственности. В корне изменилась роль крестьянства в общественной организации труда. Вместо индивидуального труд приобрел ярко выраженный общественный, социалистический характер. В связи с этим и новые методы труда — социалистическое соревнование, товарищеское сотрудничество, взаимопомощь — получили широкое распространение в колхозной деревне, что сближало труд колхозного крестьянства с трудом рабочих. Изменился и способ получения общественного дохода. В основу был положен социалистический принцип вознаграждения по количеству и качеству труда.

Характерной чертой колхозного крестьянства стало осприятие социалистической идеологии рабочего класса. Превращение крестьян-единоличников в новое колхозное крестьянство означало скачок, в результате которого крестьянство освободилось от главных социально-экономических черт, отличавших его как класс мелких собственников от рабочего класса. По своему месту в системе общественного производства, по отношению к средствам производства, по роли в организации труда, по способу производства и распределения продуктов труда, а следовательно, и по классовому положению в целом крестьянство значительно

приблизилось к рабочему классу. Главным и определяющим признаком этого сближения явилась социалистическая система хозяйства, коллективная собственность на средства производства.

Колхозное крестьянство представляло собой самую многочисленную группу сельского населения в довоенной деревне. Колхозники (вместе с семьями) составляли в Западной Сибири 3880,8 тыс. чел. (61,2% сельского населения), в Восточной — 1345,4 тыс. чел. (52%), в среднем по стране удельный вес колхозников в сельском населении достигал 66,9%.

В составе колхозников, исходя из различий в характере и содержании труда, можно вычлениить три основные группы. Первую группу составляли колхозные работники, занятые преимущественно умственным трудом (в сочетании с физическим). В нее входил прежде всего административно-управленческий аппарат: председатели колхозов, их заместители, работники учета — бухгалтеры, счетоводы и т. д. В управленческий аппарат включались и руководители среднего звена — представители профессий, связанных с новыми формами организации труда: бригадиры полеводческих и животноводческих бригад, заведующие животноводческими фермами, хатами-лабораториями. На январь 1938 г. в колхозах Сибири трудилось 19 тыс. председателей колхозов, 13,5 тыс. их заместителей, 18 тыс. заведующих товарными фермами, 7,4 тыс. бригадиров-животноводов, 31 тыс. бригадиров-растениеводов, 20 тыс. бухгалтеров и счетоводов¹⁰.

Значительная часть руководящих кадров колхозов получила специальную подготовку: среди председателей колхоза — 35,6%, бухгалтеров и счетоводов — 48,2%, бригадиров-растениеводов — 19,4%, заведующих товарными фермами — 28,4%, бригадиров-животноводов — 19,0% и т. д. Однако общий уровень их образования был низким. Численность имеющих полное или неполное среднее образование колебалась среди различных категорий руководителей от 2,3 до 10,5%. Значительную прослойку среди колхозных руководителей составляли коммунисты и комсомольцы. Так, среди председателей колхозов Сибири было 12,4% коммунистов и 6,4% комсомольцев. В колхозах нарождалась новая группа работников, занятых умственным трудом, — специалисты; численность их была невелика. Так, на начало 1938 г. в колхозах Сибири имелось 417 агротехников (агрономов совсем не было), 344 зоотехника, 4024 ветфельдшера. Основная масса специалистов концентрировалась в то время в МТС и органах земельного управления. От 70 до 85% специалистов имели специальную подготовку, однако со средним и неполным средним образованием было менее 10% агротехников и зоотехников.

Руководящие работники колхозов как социальный слой по большинству классово-образующих признаков и прежде всего по отношению к собственности на средства производства включаются в колхозное крестьянство, но по характеру труда (умственный, но без специального образования) близки к категории

служащих. Работники среднего звена — бригадиры, заведующие фермами — занимались преимущественно физическим трудом.

Удельный вес первой группы (административно-управленческой) сравнительно невелик; председатели колхозов, их заместители, бухгалтеры и счетоводы составляли из числа трудоспособных колхозников Западной Сибири примерно 3,1%, Восточной — 4,5%; бригадиры и заведующие товарными фермами соответственно 2,5 и 3,6% (в целом по Сибири 3,4 и 2,7%).

Второй социальной слой среди работников колхозов составляли механизаторы. Коллективизация сельского хозяйства на базе передовой техники сопровождалась быстрым ростом массовых квалифицированных кадров: трактористов, комбайнеров, машинистов, механиков, шоферов. Огромная армия механизаторов (трактористов, машинистов, шоферов, прицепщиков и т. д.) составляла особую категорию колхозников — рабочих МТС. Численность механизаторов в составе колхозников Западной Сибири достигала в 1939 г., по примерным подсчетам, 70 тыс. чел., т. е. 4,1% занятого населения¹¹.

С развитием МТС, с повышением роли техники в колхозном производстве менялось место механизаторов в системе общественных отношений деревни. Приближаясь по характеру труда к индустриальным рабочим, механизаторы по всем остальным классово-образующим признакам оставались внутриклассовым слоем в колхозном крестьянстве.

В третью, самую многочисленную, группу входили работники, связанные с малоквалифицированным, преимущественно кононоручным трудом и не имевшие, как правило, профессиональной подготовки. Эта группа численно преобладала, составляя 89—90% всех трудоспособных колхозников. Но даже для данной группы колхозников характерен рост профессионализма. Это доярки, скотники, конюхи, садовники, огородники, пастухи, чабаны (сюда же следует отнести полеводов, которые вошли в группу занимающихся сельским хозяйством без обозначения специальности). Численность основных кадров животноводов (дойarki, скотники, чабаны и т. п.) только в колхозах Новосибирской области достигала 95 тыс. чел., т. е. около 15% всех колхозников.

Среди работников малоквалифицированного труда особое следует выделить группу, занятую вне сельского хозяйства. По данным переписи 1939 г., по Новосибирской области она составляла 21,7% всех трудоспособных колхозников, из них 13,5% — без обозначения специальности, а 8,2% — слесари, кузнецы, механики, шоферы, столяры, плотники, рабочие лесозаготовок и др. Эта группа, оставаясь в социальном смысле крестьянской, по характеру труда тяготела к рабочим. Хотя большинство колхозников не имели профессиональной подготовки и специализации, появление массовых профессий индустриального труда, группы работников умственного труда говорит о больших изменениях в жизни деревни.

К концу 30-х годов в деревне значительно вырос отряд работников квалифицированного умственного труда — сельской интеллигенции, как производственной — агрономы, зоотехники, инженеры и т. п., так и непроизводственной — врачи, учителя, культпросветработники и т. д. В 1936 г. агрономический и инженерно-технический персонал совхозов Сибири состоял из 7,6 тыс. чел., а МТС — 5,3 тыс. чел. В системе Наркомзема в Западной Сибири работало около 17 тыс. специалистов. Среди специалистов преобладали практики, лишь около 11% из них было с высшим и 20% — со средним образованием. Однако подавляющее большинство специалистов имели специальную подготовку: к 1939 г. ее прошли в Западной Сибири 69% агротехников, 78% зоотехников и 76% ветфельдшеров, в Восточной соответственно 81, 83 и 84% кадров среднего звена. Общая численность агрономического и инженерно-технического персонала (инженеры, агрономы, ветврачи, зоотехники, агротехники, веттехнические и т. п.) по всем общественным группам, по данным переписи 1939 г., в Новосибирской области составляла 10,7 тыс. чел. (1% занятого общественно-полезным трудом сельского населения). Примерно такой же была их доля в других областях и краях Сибири.

Наряду с сельской интеллигенцией, занятой в сельскохозяйственном производстве, значительно возросла численность непроизводственной интеллигенции: учителей, врачей, работников культурно-просветительных учреждений и т. п. В 1939 г. в сельской местности Новосибирской области насчитывалось около 20 тыс. культпросветработников и почти 5 тыс. работников медицины (соответственно 2 и 0,5% занятого населения); в Омской области соответственно 25,5 тыс. и 6,4 тыс. чел. (3,2 и 0,8%), в Алтайском крае — 17,5 тыс. и 2,1 тыс. чел. (2 и 0,2%), в Красноярском крае 12,5 тыс. и 2,9 тыс. чел. (2,1 и 0,5%). Если в 1928/29 г. в сельских школах Западной Сибири насчитывалось 13,7 тыс. преподавателей, то к 1939 г. их число превысило 45 тыс. чел. Значительно поднялся уровень образования учителей.

Таким образом, в результате победы культурной революции в деревне вырос сравнительно большой отряд социалистической сельской интеллигенции — плоть от плоти трудового народа. Советская интеллигенция происходила из трудящихся слоев, значительная и все возрастающая часть ее — из рабочих и крестьян. В 1939 г. в сельском хозяйстве Западной Сибири среди специалистов с высшим образованием выходцы из рабочих составляли 16%, из крестьян — 18%, из служащих — 63,4%. В составе специалистов 29,4% были коммунистами, 29,7% — комсомольцами.

Среди студентов сельскохозяйственных вузов преобладали выходцы из рабочего класса и крестьянства: в 1938/39 учебном году в Омском сельскохозяйственном институте представители рабочих составляли 30,9%, колхозников — 21,8%, в Новосибирском сельскохозяйственном институте соответственно 35,4 и 12,9%, в среднем по сельскохозяйственным вузам страны 28,9 и 43,7%.

Среди выпускников Омского ветеринарного института в 1939 г. доля выходцев из рабочих и служащих достигла 43,7%, из колхозников — 53,8%. В состав интеллигенции входило и большинство работников государственных, партийных и общественных учреждений; в них было занято в Западной Сибири 110,7 тыс. чел. (4,1%), в Восточной Сибири — 47,6 тыс. чел. (5,3%). Все это свидетельствовало о подлинно народном характере социалистической интеллигенции.

По социальной структуре сельское население Сибири, в том числе и колхозное, уже к концу 30-х гг. существенно не отличалось от населения деревни в целом по стране. Это явилось результатом политики Коммунистической партии, направленной на преодоление экономической, политической и культурной отсталости окраин. Ускоренное освоение огромных природных богатств восточных районов страны и преимущественное их развитие (ускоренные темпы индустриализации, преимущественное снабжение в отдельные периоды сельскохозяйственной техникой, направление квалифицированных кадров из центральных районов страны и т. п.) превратило Сибирь в развитый индустриально-аграрный район страны.

Литература и источники

1. См.: Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 — 1920 гг. — М., 1976, с. 17; Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов. — М., 1979, с. 5.
2. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. — Иркутск, 1966, с. 175.
3. Горюшкин Л. М. Развитие капитализма вширь в сибирской деревне периода империализма (1900—1917 гг.): Автореф. докт. дис. — Новосибирск, 1975, с. 74.
4. Боженко Л. И. К характеристике основных групп крестьянства Сибири после освобождения от колчаковщины. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1972, вып. 7.
5. Народное хозяйство Томской губернии. — Томск, 1923, с. 197.
6. См. подробно: Гушин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. — Новосибирск, 1973, с. 124—164.
7. Сельское хозяйство СССР. 1925—1928: Сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. — М., 1929, с. 24—27.
8. Наиболее полным и надежным источником, позволяющим проанализировать социальную структуру общества в условиях победившего социализма, служат материалы переписи населения 1939 г., до последнего времени слабо вовлеченные в научный оборот. Они опубликованы лишь частично и хранятся в архиве ЦСУ СССР и архивах краевых и областных статистических органов Сибири. В дальнейшем все показатели переписи 1939 г., кроме специально оговоренных, приводятся по данным этих источников.
9. Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР. (Итоги единовременного учета за март 1936 г.). — М., 1936, с. 120—135.

10. Колхозы во второй сталинской пятилетке: Стат. сб. — М.; Л., 1939, с. 61, 62, 64, 66, 68, 70, 72, 74, 76, 78, 80.

11. Учет численности механизаторов-колхозников сильно затруднен, так как по переписи населения 1939 г. их отнесли к категории рабочих МТС.

Глава 2. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ДЕРЕВНИ В ПЕРИОД УПРОЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1938 г. — конец 50-х — начало 60-х гг.)

Сложившаяся на основе победы социализма и утверждения безраздельного господства социалистических производственных отношений социальная структура получает свое дальнейшее развитие на этапе построения зрелого социализма. В рамках этого этапа можно выделить следующие четыре периода: 1) предвоенные годы — упрочение социалистической социальной структуры общества; 2) война как годы проверки жизненности этой структуры, а также известных изменений в ней; 3) послевоенные годы, когда происходили восстановительные процессы не только в экономике, но и в социальной области; 4) период с 1953 г. до начала 60-х гг., когда развернулись интенсивные социальные процессы, связанные первоначально с созданием постоянных кадров МТС, а позднее — с их реорганизацией и переходом механизаторов в колхозы, резким возрастанием аграрного отряда рабочего класса в связи с созданием целинных совхозов и массовым преобразованием колхозов в совхозы.

Период с 1938 г. по июнь 1941 г. вошел в историю как начало приступа к строительству развитого социалистического общества. Этот период характеризовался упрочением социалистической социальной структуры общества. На основе дальнейшего укрепления колхозно-кооперативной собственности происходила консолидация колхозного крестьянства как класса. В 1937—1940 гг. колхозы Западной Сибири пополнило, без учета планового переселения, свыше 200 тыс. крестьянских хозяйств. Уровень коллективизации крестьянских хозяйств повысился с 94 до 98%. Единичный же крестьянин как социальный тип сошел фактически на нет, его хозяйственное значение было ничтожно. В 1940 г. крестьянские посеы были коллективизированы на 99,9%, поголовье скота — на 99,5—99,7%¹.

Огромный размах подготовки механизаторов (за 1938—1940 гг. курсы в Западной Сибири окончили около 120 тыс. трактористов, комбайнеров, шоферов и т.п.) существенно повысил их долю среди тружеников деревни. В Западной Сибири численность трактористов возросла на 22,5%, бригадиров тракторных бригад — на 24,1%, комбайнеров — на 52,0%, в Восточной Сибири соответственно на 29,4%, 55,0 и 130,0% (табл.3).

Происходила дальнейшая консолидация аграрного отряда рабочего класса: повысилась доля механизаторов, а также постоянных рабочих в сравнении с сезонными. В 1940 г. только в совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях Западной Сибири насчитывалось 140,8 тыс. рабочих и служащих (16,2% рабочих и служащих всех отраслей народного хозяйства)².

Таблица 3

Профессиональный состав работников МТС и МТМ
Западной Сибири в 1941 г.*

Категории работников	тыс. чел.	%
Трактористы	53,4	41,6
Бригады тракторных бригад и их помощники	10,8	8,4
Комбайнеры	16,05	12,5
Машинисты и весовщики	11,9	9,3
Ремонтные рабочие	17,98	14,0
Шоферы	3,20	2,5
Инженерно-технические работники	3,22	2,5
В том числе механики и инженеры	2,4	1,9
Агрономический персонал	1,7	1,3
Служащие	6,48	5,1
Младший обслуживающий персонал	3,6	2,8
Всего...	128,3	100

* ЦГАНХ, ф. 7486, оп. 6, д. 59, л. 24, 76, 114, 161.

В предвоенные годы несколько возросла прослойка сельской производственной интеллигенции, улучшилось ее использование в результате перевода значительной части работников из управленческого аппарата на производство. Общее число специалистов с высшим образованием в системе Наркомзема Западной Сибири с 1939 г. по 1941 г. повысилось с 1570 до 1819 чел. Количество же агрономов, агротехников и зоотехников в колхозах увеличилось в 2—3 раза. Формирование кадров специалистов в колхозах Западной Сибири в то время еще только начиналось. Основная масса специалистов по-прежнему была сосредоточена в государственной земельной системе и МТС. В 1940 г. в Западной Сибири в системе Наркомзема работало 17,0 тыс. специалистов, из них 5,2 тыс. в колхозах, столько же в МТС, остальные в земельных органах, учреждениях, учебных заведениях и т. п. Выросла чис-

ленность и непроизводительной сельской интеллигенции. Так, количество учителей в селах Западной Сибири увеличилось с 39,2 тыс. до 55,6 тыс. чел.

Социалистическая социальная структура советского общества прошла суровое испытание в годы Великой Отечественной войны, доказав свою жизнестойкость и неоспоримые преимущества перед социальным строем капитализма. Война не могла не отразиться на социальном развитии деревни. В результате мобилизаций, главным образом в армию и промышленность, произошло значительное сокращение сельского населения. С 1940 по 1944 гг. крестьянское население уменьшилось в стране на 18%, а трудоспособное — на 38%. Процесс сокращения колхозного населения в Западной Сибири протекал более интенсивно: общее число колхозного населения здесь уменьшилось на 916,5 тыс. (на 23%), в том числе трудоспособного на 685,7 тыс. чел. (на 41%). В целом по Сибири число трудоспособных в колхозах с 1941 по 1945 г. (на начало года) снизилось примерно на 38%.

Произошли значительные изменения в составе колхозного крестьянства: резко уменьшилось число трудоспособных мужчин, значительно поднялась доля женщин и подростков в трудовых ресурсах. В Западной Сибири удельный вес трудоспособных мужчин снизился с 46% в 1940 г. до 19% в 1944 г., а женщин увеличился с 54 до 81%. Свыше трети всех трудоспособных составляли подростки. Вся тяжесть колхозного труда легла на плечи женщин и подростков.

Большие изменения произошли в социально-профессиональном составе колхозников и сельского населения в целом. В армию и промышленность было мобилизовано почти все взрослое мужское население, большинство механизаторов, руководящих работников колхозов, МТС, совхозов. Уже к осени 1941 г. в армию ушло 40% председателей колхозов, 53% бригадиров, 48% бухгалтеров и счетоводов, около двух третей механизаторов. Еще больше сократилось число специалистов: перед войной в колхозах Омской области на одного работника с агрономическим образованием приходилось 12 колхозов, а в 1943 г. — 32. В составе руководящих кадров и среди механизаторов резко возросла доля женщин и молодежи. В 1943—1944 гг. по сравнению с довоенным периодом удельный вес женщин поднялся среди председателей колхозов с 0,6 до 6%, бухгалтеров и счетоводов — с 6,5 до 61%, бригадиров-растениеводов — с 1,5 до 43%, заведующих фермами — с 9,5 до 61%, механиков — с 0,7 до 40%, трактористов — с 4 до 72%, комбайнеров — с 6 до 72%, шоферов — с 3 до 84%, агрономов — с 7 до 46%³. Уровень общеобразовательной и специальной подготовки руководящих колхозных и механизаторских кадров значительно снизился.

Несмотря на негативные изменения в численности и составе, колхозное крестьянство и рабочие совхозов смогли решить трудные задачи, поставленные перед ними войной, что свидетельство-

вало о больших резервах социалистического сельского хозяйства, о решающих преимуществах социалистического строя перед капиталистическим.

В послевоенные годы встала задача на основе восстановления народного хозяйства не только преодолеть негативные изменения в социально-профессиональной структуре, происшедшие в годы войны, но и значительно ее усовершенствовать. Прежде всего восстанавливались трудовые ресурсы села. В 1945—1948 гг. в связи с массовой демобилизацией главным источником пополнения сельского населения стали бывшие воины. За эти годы количество трудоспособных работников в колхозах Западной Сибири увеличилось почти на 40%, в том числе мужчин на 73%; в Восточной Сибири численность трудоспособных мужчин возросла на 61%.

Однако в последующие годы в связи с окончанием демобилизации и массовым оттоком сельского населения в промышленность его численность вновь начинает сокращаться: в 1950 г. в сравнении с 1948 г. количество трудоспособных колхозников в Сибири снизилось на 5% и было меньше предвоенного уровня на 28%⁴. По сравнению с довоенным периодом количество сельского населения абсолютно и относительно сократилось. Так, в Алтайском крае сельское население в 1939 г. составляло 1976,5 тыс. чел., в 1951 г. — 1584,7 тыс., в 1953 г. — 1530,0 тыс. чел., а его удельный вес упал соответственно с 83 до 71 и 70%. Число наличных трудоспособных в колхозах страны с 1940 по 1950 г. уменьшилось на 26,6%, в Западной Сибири — на 27,4%⁵.

Восстановление трудовых ресурсов совхозов было более быстрым, чем колхозов, вследствие их в целом лучшего экономического положения (большая техническая вооруженность, гарантированная оплата труда и т. п.). В хозяйствах Министерства совхозов СССР западносибирского региона численность рабочих за годы четвертой пятилетки возросла на 48 тыс., в том числе постоянных рабочих — на 37 тыс. чел. В 1953 г. количество работников в совхозах Сибири увеличилось по сравнению с предвоенным периодом более чем на 40%, а производственных рабочих — на 49%⁶. По данным годовых отчетов МТС Алтайского края, число работающих в них с 1946 по 1951 г. возросло с 41,2 тыс. до 93,3 тыс. чел.

Общее изменение численности сельского населения и различных социальных слоев, входящих в него, приведено в табл. 4. Наиболее быстрыми темпами и непрерывно росла численность рабочих и служащих: с 1945 по 1950 г. она увеличилась среди трудоспособных примерно на 68%. Количество колхозников также существенно возросло — на 32%, однако в 1948—1950 гг. произошел некоторый отток населения из колхозов. Доля трудоспособных единоличников и некооперированных кустарей была мизерной и затем еще более уменьшилась — с 0,37 до 0,12%. Эти же тенденции прослеживаются в других областях Западной Сибири.

За годы послевоенного восстановления несколько повысилась профессиональная квалификация и культурно-технический уровень

Таблица 4

Изменение численности и состава сельского населения Алтайского края
в 1945—1950 гг. (на 1 января)*

Социальные слои и группы	1945 г.		1947 г.		1948 г.		1949 г.		1950 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Колхозники	969039	66,8	976144	63,7	1056154	64,0	1009190	62,9	1012644	62,1
В том числе трудоспособные	414551	65,2	499876	62,7	561085	63,0	555242	61,8	548626	60,5
Рабочие, служащие, кооперированные кустари	447041	30,8	540694	35,3	576923	35,0	570623	35,6	599162	36,7
В том числе трудоспособные	206658	32,5	291179	36,5	318754	35,8	328705	36,6	346830	38,3
Единоличники и некооперированные кустари	7145	0,49	6990	0,46	6748	0,41	4704	0,29	2542	0,16
В том числе трудоспособные	2368	0,37	2678	0,34	2827	0,32	1882	0,21	1043	0,12
Всего...**	1449924		1531550		1650009		1604381		1630925	
в том числе трудоспособные	635495		793733		897668		897980		906248	

* Расчеты по данным сельсоветского учета.

** В подсчеты не вошли временно проживающие, доля которых невелика --- от 1 до 1,9% в составе трудоспособных.

колхозников, рабочих совхозов и МТС. Ежегодно на различных агрозоветкурсах и семинарах в Западной Сибири обучалось около 130 тыс. чел. Механизаторские кадры готовились в стационарных школах механизации сельского хозяйства и на курсах при МТС. За годы четвертой пятилетки в Западной Сибири обучено механизаторов в школах механизации около 48 тыс., на курсах при МТС — свыше 75 тыс., кроме того, переподготовлено около 60 тыс. чел. Общая численность механизаторских кадров увеличилась в Сибири с 1946 по 1950 г. примерно на 22%.

Повысилась квалификация механизаторов. Удельный вес трактористов первой категории в совхозах с 1946 по 1950 г. поднялся примерно с 15,5 до 27%. По данным годовых отчетов МТС Алтайского края, с 1945 по 1949 г. численность трактористов возросла с 17,0 тыс. до 21,4 тыс. чел. (в том числе первой категории — с 2,3 тыс. до 5,2 тыс. чел.), комбайнеров — с 4,1 тыс. до 6 тыс., шоферов — с 542 до 1640 чел. В целом к концу четвертой пятилетки сельское хозяйство продолжало ощущать недостаток механизаторов, в особенности высокого класса: на одного тракториста первой категории приходилось в Сибири 2,5 трактора (общее количество трактористов в расчете на один трактор в Алтайском крае составляло 1,4 чел., в Новосибирской области — 1,65 чел., т. е. обеспечивало работу трактористов лишь в полторы смены).

Одна часть механизаторов, обслуживающих колхозное производство, состояла в штате МТС в качестве постоянных рабочих, другая (больше половины) числилась колхозниками, которые имели специальность механизатора и работали сезонно в МТС, а также обслуживали машинно-тракторный парк колхозов. По данным годовых отчетов МТС Алтайского края, за 1950 г. из среднесписочного состава 40 тыс. работающих 15,3 тыс. оплачивались по трудодням, среди них 12,5 тыс. трактористов и 2,8 тыс. бригадиров тракторных бригад и их помощников. В колхозах Новосибирской области, по данным годовых отчетов, в тракторных бригадах работало в 1947 г. 11,5 тыс., в 1950 г. — 27,8 тыс. колхозников. Трактористы и помощники комбайнеров среди трудоспособных колхозников составляли в 1947 г. — 4,7%, в 1948 г. — 8,7%, в 1949 г. — 10,3%. К началу 50-х гг. все острее ощущалась потребность создания постоянных кадров механизаторов в МТС, «способных наиболее полно и производительно использовать технику и тем самым обеспечить дальнейший мощный подъем всех отраслей колхозного производства»⁷. Это и было реализовано на основе решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г.

За послевоенные годы значительно улучшился состав специалистов и организаторов колхозно-совхозного производства. В МТС Алтайского края в 1945 г. насчитывалось 503 агронома и 705 механиков, а в 1950 г. — 988 агрономов и 1239 механиков. Вырос и культурно-технический уровень кадров. В Омской области к концу 1953 г. свыше двух третей директоров МТС имели высшее,

незаконченное высшее и среднее образование, в то время как в 1946 г. их было менее четвертой части. Среди директоров совхозов Западной Сибири численность имеющих высшее и среднее образование увеличилась с 48% в 1947 г. до 70% в 1950 г. К 1953 г. среди председателей западносибирских колхозов 16—21% имели высшее и среднее образование, кроме того, подавляющее большинство из них прошли переподготовку в специальных школах и на курсах.

Таким образом, почти полное восстановление трудовых ресурсов в послевоенные годы сопровождалось значительными прогрессивными качественными изменениями в их составе: выросли численность аграрного отряда рабочего класса, занятого в совхозах и МТС, культурно-технический уровень работников массовых профессий, квалификация, образовательный уровень механизаторов, специалистов, кадров руководителей сельскохозяйственного производства.

Отмеченные прогрессивные перемены в социальной структуре сельского населения продолжались и в последующий период. На них в середине и второй половине 50-х гг. существенное влияние оказали такие факторы, как изменение политики руководства сельским хозяйством, начатое после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г., создание постоянных кадров в МТС, массовое освоение целинных и залежных земель в восточных районах страны, преобразование колхозов в совхозы, посылка из городов на работу в село больших отрядов руководящих кадров и специалистов, реорганизация МТС 1958 г. и др.

В 50-е гг. и особенно в период, охватывающий 1953—1959 гг., с наибольшей рельефностью проявились тенденции изменения социальной структуры, характерные для всего периода строительства развитого социализма. Рассмотрим основные из них, прибегая в ряде случаев к сравнительному анализу данных переписей населения 1939 и 1959 г. как к наиболее надежным источникам (данные же о населении за 1946 г. весьма отрывочны).

Одно из направлений социального развития выражается в изменении соотношения численности городского и сельского населения на основе углубления процесса урбанизации. Рост городского населения в указанный период, как и в годы индустриализации, происходил в большинстве районов Западной Сибири более высокими темпами, чем в среднем по стране. За 1950—1960 гг. население Западной Сибири в целом возросло на 20%, городское население — на 50%, сельское же население несколько сократилось: как абсолютно, так и относительно. Тенденция к сокращению численности сельских жителей была прервана на некоторое время в середине 50-х гг., когда в связи главным образом с освоением целинных и залежных земель происходил абсолютный рост сельского населения: с начала 1951 г. по апрель 1956 г. оно выросло в регионе на 360 тыс. чел. Этот рост был механическим (в основном за счет переселения — только по комсомольским путевкам

Изменение численности населения Алтайского края
(на январь соответствующего года)*

Год	Городское		Сельское	
	тыс.	%	тыс.	%
1939	411,4	17,2	1976,5	82,8
1950	639,3	27,8	1660,6	72,2
1951	648,9	29,1	1584,7	70,9
1952	661,2	29,8	1560,8	70,2
1953	661,2	30,2	1530,0	69,8
1954	661,0	28,4	1542,6	71,6
1955	633,0	28,0	1626,0	72,0
1956	701,4	27,4	1860,0	72,6
1957	733,3	28,1	1876,7	71,9
1958	759,6	28,6	1893,0	71,4
1959	882,5	32,9	1800,7	67,1

* Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти: Стат. сб. — Барнаул, 1967, с. 9; Народное хозяйство Алтая за 60 лет Советской власти: Стат. сб. — Барнаул, 1977, с. 7. (данные за 1951—1954 гг. и 1956—1958 гг. — расчетные).

в целинные районы Сибири прибыло 130 тыс. чел.) и временным, после 1957 г. число сельских жителей снова уменьшилось⁸. В основном сельскохозяйственном районе края — на Алтае — эта общая тенденция проявилась своеобразно (табл. 5).

Сельское население на Алтае абсолютно и относительно сокращалось в 1950—1953 гг., в 1954—1958 гг. его численность растет (сокращается лишь в 1959 г.), хотя его доля начинает неуклонно снижаться с 1957 г. В 1959 г. сельское население Западной Сибири составляло 97% к численности в начале 1951 г., а доля его сократилась с 59 до 47%. В основных сельскохозяйственных районах Западной Сибири удельный вес сельского населения существенно преобладал: в Алтайском крае он составлял 67%, в Омской области — 57% и т. д.

Другое направление социальных сдвигов — это изменение в классовой структуре общества: возрастание численности и удельного веса рабочего класса, количественное уменьшение колхозного крестьянства. В восточных районах страны, включая Западную Сибирь, этот процесс проходил более интенсивно (табл. 6).

В Западной Сибири удельный вес рабочих становится выше, чем в среднем по РСФСР (на 7%), а колхозников ниже (на 5%).

Т а б л и ц а 6

Общественные группы населения,
% ко всему населению*

Общественные группы	Западная Сибирь		РСФСР	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
Рабочие	34,7	62,4	35,0	55,4
Служащие	16,1	18,1	18,6	20,2
Колхозники	47,0	19,4	43,9	24,2
Прочие	2,2	0,1	2,5	0,2

* Расчеты по материалам переписей населения 1939 и 1959 гг.

В регионе в более широких масштабах, чем в целом по стране, осуществлялось создание новых совхозов на вновь осваиваемых целинных землях и преобразование колхозов в совхозы. Причины этих процессов многоплановы: с одной стороны, наличие больших массивов неиспользованных плодородных земель создавало благоприятную основу для создания целинных совхозов, с другой — здесь было большое число многоземельных, но слабо обеспеченных рабочей силой колхозов, подъем хозяйства которых затянулся, и государство сочло возможным и целесообразным преобразовать их в совхозы.

В 1954—1958 гг. в Западной Сибири было распаханно свыше 6,5 млн. га целинных и залежных земель, посевные площади за эти годы выросли в 1,5 раза (с 12,4 до 18,8 млн. га), в том числе под посевами пшеницы почти в 2 раза⁹. Только за 1954—1955 гг. в Омской, Новосибирской областях и Алтайском крае было образовано 38 целинных совхозов, освоивших свыше миллиона гектаров земель. Рост числа совхозов в Западной Сибири еще в большей степени происходил за счет преобразования колхозов в совхозы, получившего здесь массовый размах начиная с 1957 г. В 1953—1960 гг. в Западной Сибири более 3 тыс. колхозов было преобразовано в совхозы или укрупнено, за эти же годы создано свыше 200 новых крупных совхозов. За десятилетие — с 1950 по 1960 г. — среднегодовая численность колхозников в Западной Сибири сократилась примерно на 500 тыс., а численность рабочих и служащих, занятых в сельском хозяйстве, возросла на 300 тыс. чел.¹⁰.

Рост числа рабочих и служащих происходил и в связи с произведенной во второй половине 50-х гг. реорганизацией промыс-

ловой кооперации. Если в 1939 г. в Западной Сибири кооперированные кустари — члены промкооперации составляли 2,5% населения, то к концу 1960 г. они в основной массе по своему социальному положению стали рабочими и служащими.

По данным сельсоветского учета, в Алтайском крае с 1950 по 1960 г. численность колхозников (вместе с семьями) сократилась с 1012,6 тыс. до 718,4 тыс. чел., рабочих и служащих возросла с 599,2 тыс. до 1045,1 тыс. чел., единоличников и некооперированных кустарей уменьшилась с 2542 до 376 чел. Последняя категория, по сути дела, исчезает, в целом по региону ее доля падает до 0,1%. В составе сельского населения стали преобладать рабочие и служащие (табл. 7).

Численность рабочих, занятых в сельском хозяйстве (преимущественно в совхозах), в основных сельскохозяйственных районах стала приближаться к численности колхозников. Значительная часть рабочих (в Алтайском крае — 136,8 тыс., в Кемеровской области — 65,6 тыс., в Новосибирской области — 70,7 тыс. и т. д.) была занята вне сферы сельскохозяйственного производства. Среди сельских рабочих Алтая 57% работали в сельском хозяйстве (из них 88% в совхозах), 13% — в промышленности, 6% — в строительстве, 5% — на транспорте, остальные в сфере обслуживания и т. п. В целом по Сибири доля крестьянства в 1959 г. составляла 18,6%, а абсолютная численность 3,14 млн. чел. Из 16,9 млн. населения Сибири крестьяне-единоличники и некооперированные кустари составляли около 25 тыс. чел. — 0,14%¹¹.

На основе достижений технического прогресса и роста культурно-технического уровня работников сельского хозяйства усложняется внутриклассовая структура колхозного крестьянства и работников совхозов, происходит рост профессионализма в деревне. Центральная тенденция этого процесса состоит в повышении доли индустриального труда, в абсолютном и относительном увеличении количества механизаторов. Место механизаторов в системе общественного производства в 50-е гг. изменилось. На основе решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. колхозники-механизаторы были зачислены в штат МТС, а с реорганизацией МТС после 1958 г. механизаторы и специалисты пополнили состав колхозников. Общая численность трактористов в Западной Сибири в 1959 г. по сравнению с 1939 г. увеличилась в 2 раза, комбайнеров в 2,5 раза, машинистов, прицепщиков и т. п. на 86%¹². Численность механизаторов в сельском хозяйстве Алтая с 1938 по 1961 г. возросла с 27,7 до 85,1 тыс. чел., в том числе в колхозах — с 24,8 до 33,1 тыс. чел., а в совхозах — с 2,9 до 52,0 тыс. чел.

По данным годовых отчетов, в начале 1960 г. в колхозах Западной Сибири насчитывалось 85 тыс. трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров, в совхозах — 69 тыс. Если в конце 30-х гг. среди работающих в колхозах и совхозах Западной Сибири механизаторы составляли 4—5%, то в 1959—1960 гг.

Таблица 7

Общественные группы в составе работающего сельского населения Западной Сибири
(по переписи 1959 г.)*

Регион	Все занятое население, тыс. чел.		Рабочие						Служащие		Колхозники	
			тыс. чел.	%	в том числе сельскохозяйств.		%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	
					тыс. чел.	% от численности всех						
Западная Сибирь	2351,2	1064,8	45,3	579,5	54,4	320,2	13,6	960,7	40,9			
Алтайский край	765,2	347,4	45,4	210,6	60,6	100,7	13,2	315,6	41,2			
Кемеровская область	255,2	127,2	49,8	61,6	48,4	35,5	13,9	91,7	35,9			
Новосибирская область	421,9	198,1	47,0	127,4	64,3	55,4	13,1	167,4	39,7			
Омская область	410,9	192,9	46,9	130,1	67,4	53,7	13,1	163,6	39,8			
Томская область	164,2	67,9	41,4	8,9	13,1	26,7	16,3	68,9	42,0			
Тюменская область	333,8	131,3	39,3	40,9	31,2	48,2	14,4	153,5	46,0			

* Рассчитано по данным переписи населения 1959 г.

**Уровень образования сельского населения в 1959 г. по общественным группам
(на 1000 работающих имеют высшее, среднее и неполное среднее образование)***

Регион	Все общественные группы	В том числе		
		рабочие	служащие	колхозники
Западная Сибирь	284	228	833	164
Восточная Сибирь	299	254	830	146
РСФСР	313	292	863	200

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР..., с. 184, 206.

среди колхозников их доля достигла 10—15%, а среди рабочих совхозов — 16—17%. В целом по Сибири¹ в начале 1959 г. в колхозах трудилось более 91,7 тыс. трактористов, 27 тыс. комбайнеров, 29,4 тыс. шоферов, кроме того, появился новый большой отряд механизаторов-животноводов. В целом группа колхозников-механизаторов составляла около 150 тыс. чел.

Одна из закономерностей совершенствования социальной структуры выражается в повышении общеобразовательного и профессионально-квалификационного уровня сельских тружеников. Уровень грамотности сельского населения Западной Сибири с 1939 по 1959 г. поднялся с 83,1 до 97,4%, а в РСФСР — с 86,7 до 98,0%. На тысячу человек сельского населения Западной Сибири высшее образование в 1939 г. имел 1 чел., а в 1959 г. — 4 чел. (в РСФСР — 2 и 6 чел.); среднее и неполное среднее образование соответственно 25 и 150 чел. (в РСФСР — 36 и 180 чел.). Среди различных общественных групп сельского населения уровень образования был неодинаков (табл. 8).

Наибольшее количество работников с высшим и средним образованием приходилось на категорию служащих, занятых преимущественно умственным трудом. Наименьшее число образованных среди колхозников, что отражает отставание механизации труда в колхозах от совхозов и преобладание в них малоквалифицированного труда. По уровню образования сельского населения Сибирь все еще не достигла средних показателей по РСФСР, хотя разрыв между ними и сокращался. Уменьшилось, но не было ликвидировано отставание культурного развития сельского насе-

ления от городского. Так, численность лиц с высшим образованием в городах была в 5 раз, а с незаконченным высшим и средним в 3 раза больше, чем на селе.

Сдвиги в профессиональном составе колхозников и рабочих совхозов происходили не только в возрастании численности работников индустриального типа, но и в появлении новых профессий, ранее неизвестных деревне, в сокращении доли ручного неквалифицированного труда. Хотя в составе колхозов и совхозов все еще преобладали работники, занятые в основном ручным трудом, их удельный вес резко сократился. В 1939 г. примерно 88—89% колхозников в РСФСР и в Западной Сибири были заняты преимущественно ручным трудом, и подавляющее большинство из них не имели специальной профессиональной подготовки. В 1959 г. численность работников, занятых в сельском хозяйстве без обозначения специальности, в РСФСР сократилась примерно на 38% (по сравнению с 1939 г.), а их доля упала с 80 до 65%. В совхозах Западной Сибири в начале 60-х гг. удельный вес лиц, работающих вручную, составлял в растениеводстве примерно 65%, а при помощи машин и механизмов 28%, в животноводстве соответственно 76 и 12%¹³.

В Сибири в среднем на 1 колхоз приходилось 24 механизатора, а на 1 совхоз — 76, т. е. в 3,2 раза больше. Показателем прогрессивных сдвигов в социальной структуре деревни служит возрастание роли сельской интеллигенции. Ее доля в составе сельского населения к 1959 г. в Западной Сибири возросла в сравнении с довоенным периодом примерно в 2,5 раза и достигла 8—9%. В 1959 г. на 100 хозяйств в Сибири приходилось агрозооветработников в колхозах 236 чел. (вместо 10 в 1953 г.), в совхозах 1087 чел. (вместо 499 чел.).

По переписи 1959 г. удельный вес служащих в занятом сельском населении Западной Сибири составлял 13,6%, из них 83,3% имели высшее, среднее (включая неполное среднее) образование (11,3% от занятого населения). В сельском населении Алтайского края число лиц с высшим и средним образованием (большинство из них занималось умственным квалифицированным трудом — интеллигенция) составляло 69,7 тыс. чел., т. е. 9% от занятого сельского населения. Количество специалистов с высшим и средним специальным образованием с 1957 по 1960 гг. в колхозах увеличилось с 1199 до 2090 чел., в совхозах с 2644 до 3933 чел.¹⁴

Если в 1953 г. лишь 14% председателей колхозов Западной Сибири имели высшее и среднее специальное образование, то к началу 1960 г. уже 49% (в Новосибирской области соответственно 23 и 49%). В целом по Сибири доля председателей колхозов, имеющих высшее и среднее специальное образование, в 1953 г. составляла 12,5%, а в 1959 г. — 43,2% (в РСФСР соответственно 16 и 45%). В колхозах Западной Сибири в 1960 г. было 32% инженеров и техников, около 55% экономистов с высшим и средним специальным образованием. На Алтае доля

квалифицированных специалистов в колхозах была несколько выше, чем по Сибири: с 1956 по 1960 г. удельный вес председателей колхозов с высшим и средним специальным образованием вырос с 37 до 50%, агрономов — с 85 до 97%, зоотехников — с 70 до 85%, инженеров и техников — с 14 до 34%.

Качественный состав совхозных кадров в этот период был значительно лучше: в Западной Сибири в 1960 г. высшее и среднее специальное образование имели 87% директоров совхозов, 83% экономистов, 51% инженеров и техников. В совхозах и государственных подсобных сельскохозяйственных предприятиях Новосибирской области в 1960 г. насчитывалось 2158 специалистов с высшим и средним специальным образованием, 66,9% из них — сельскохозяйственные специалисты.

В середине 50-х г. была проведена большая работа по повышению образовательного уровня руководящих работников МТС. В Алтайском крае удельный вес директоров МТС с высшим и средним образованием с 1952 по 1956 г. поднялся с 61 до 89%, главных инженеров — с 16 до 79%, главных агрономов — с 98 до 100%, главных зоотехников — с 94 до 98%, старших ветеринарных врачей — с 92 до 100% и т. д.

Однако уровень квалификации кадров среднего звена — бригадиров полевых и тракторных бригад, заведующих фермами, управляющих фермами — непосредственных руководителей производства, повседневно выполняющих многообразные экономические и социальные функции, существенно отставал. Почти все они были практиками, не имеющими специального образования. Так, в Алтайском крае в 1960 г. только 3% заведующих животноводством и животноводческими фермами в колхозах и 4% в совхозах имели высшее и среднее специальное образование. Бригадиров производственных бригад с высшим и средним специальным образованием в колхозах не было совсем, в колхозах они составляли 5%¹⁵.

Значительно выросла численность сельской непроизводственной интеллигенции, хотя и в меньшей степени, чем производственной. Если в 1939 г. доля ее в занятом сельском населении составляла примерно 2—2,5%, то в 1959 г. — 4—5%. Численность учителей в сельских школах Западной Сибири увеличилась с 1939 по 1959 г. примерно в 2—2,5 раза. По данным переписи 1959 г., в Алтайском крае работало в просвещении 24,3 тыс., а в здравоохранении 7,7 тыс. служащих; их доля в занятом сельском населении составляла соответственно 3,1 и 1%. Улучшился качественный состав учительских кадров: с 1950 по 1958 г. в сельских школах Западной Сибири численность учителей возросла с 52,8 до 56,2 тыс. чел., в том числе с высшим образованием с 2,4 до 8,2 тыс. чел., окончивших учительские институты — с 7,0 до 11,8 тыс. чел., а количество не имеющих среднего образования резко снизилось — с 8,1 до 1,4 тыс. чел. Выросла численность и повысился квалификационный уровень

работников культурно-просветительных учреждений, здравоохранения и т. п. Если в 1951 г. в западносибирских селах среднее образование имели 494 клубных и 329 библиотечных работников, то в 1958 г. — соответственно 2072 и 2322 чел. Несмотря на быстрые темпы роста сельской интеллигенции и ее квалификации, деревня по удельному весу работников умственного труда и их профессиональной подготовке все еще существенно отставала от города.

Абсолютный и относительный рост аграрного отряда рабочего класса, возрастание роли специалистов и механизаторов, повышение общеобразовательного и культурно-технического уровня всех слоев колхозников и рабочих совхозов — основные черты совершенствования социальной структуры на этапе строительства развитого социализма, которые получают дальнейшее развитие на этапе зрелого социализма.

Литература и источники

1. Гуцин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935—1941). — Новосибирск, 1975, с. 23, 50.
2. Труд в РСФСР; Стат. сб., ч. I. — М., 1964, с. 46, 113, 119.
3. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. 1941—1945 гг. — Барнаул, 1966, с. 108—109; Гуцин Н. Я., Пановский Л. С. Вклад колхозного крестьянства Западной Сибири в обеспечение страны продовольствием и сырьем. — В кн.: Трудящиеся Сибири — фронту. Новосибирск, 1975, с. 125—127, 129, 130—134.
4. Расчеты по годовым отчетам колхозов; ЦГАНХ, ф. 7486, оп. 7, д. 1019 а, л. 1, 16—18, 23—25; д. 1019 в, л. 1, 98.
5. Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950. — М., 1978, с. 110.
6. Ульянов Л. Н. Трудовой подвиг рабочего класса и крестьянства Сибири. 1945—1953 гг. — Томск, 1979, с. 97.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. — М., 1971, с. 415.
8. История Сибири. Т. 5. — Л., 1969, с. 253; Борисов Б. Л. Основные социальные изменения состава населения Западной Сибири (1950—1960 гг.). — В кн.: Проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1973, с. 293, 295—296.
9. Мищенко И. Г., Урьев Е. А. Роль Сибири в экономике сельского хозяйства страны. — М., 1961, с. 16—17, 23.
10. Народное хозяйство СССР в 1967 году. — М., 1968, с. 492.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. — М., 1963, с. 168—169.
12. Янкевич П. Ф. Социальные изменения в крестьянстве Западной Сибири. — М., 1970, с. 129.
13. Данные за 1962 г. рассчитаны по сводным годовым отчетам колхозов.
14. Народное хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти. Стат. сб. — Барнаул, 1967, с. 52.
15. Народное хозяйство Алтайского края в 1966—1970 гг.: Стат. сб. — Барнаул, 1972, с. 222, 224.

Глава 3. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДЕРЕВНИ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА (начало 60-х — конец 70-х гг.)

На III этапе развития социальной структуры — на этапе зрелого социализма — отчетливо выделяются два периода, гранью между которыми был 1965 г., когда решениями мартовского пленума ЦК КПСС были намечены основы современной аграрной политики партии. В предшествующий период (1959—1965 гг.), характеризующийся поисками новых форм и методов руководства сельским хозяйством, в социальном развитии деревни происходили изменения, связанные главным образом с реорганизацией МТС и повышением уровня обобществления колхозно-кооперативной собственности, а также дальнейшим увеличением роли совхозного отряда рабочего класса. Основная масса механизаторов и специалистов МТС перешла в колхозы. Это значительно усложнило внутриклассовую структуру колхозного крестьянства. В колхозах Алтайского края удельный вес механизаторов среди трудоспособных колхозников уже в апреле 1959 г. составил 12,6%, а к 1965 г. достиг 17,5%. Численность специалистов в расчете на один колхоз в Западной Сибири с 1957 по 1964 г. возросла с 1,6 до 3,9%, т. е. более чем в 2 раза, а удельный вес инженеров и техников в общем количестве специалистов повысился с 2,7 до 14,3%.

В связи с продолжающимся ростом совхозов и повышением в них уровня механизации значительно возросла численность и стала более совершенной структура совхозных кадров. В Западной Сибири за годы семилетки количество постоянных рабочих совхозов увеличилось с 347,1 тыс. до 530,4 тыс. чел. (сезонных и временных сократилось с 43,4 тыс. до 34,8 тыс.), инженерно-технических работников — с 11,3 тыс. до 23,2 тыс. чел., служащих — с 6,2 тыс. до 13,3 тыс. чел. Численность трактористов совхозов выросла с 39,4 тыс. до 102,6 тыс. чел., значительно поднялась их классность¹.

Однако в годы семилетки сельское хозяйство испытало большие трудности, наглядно показавшие значение общих экономических условий хозяйствования (размеров капиталовложений, обеспеченности средствами производства, соответствия денежных доходов и затрат на новую технику и т. д.), а также недопустимости субъективизма в руководстве сельским хозяйством (администрирования, навязывания необоснованных рекомендаций по агротехнике и т. п.). Это не только вызвало замедление темпов развития сельскохозяйственного производства, но и отрицательно сказалось на социальной структуре. Текущая наиболее квалифицированных кадров — механизаторов и специалистов — повысилась и нередко превышала масштабы их подготовки. Так, за годы семилетки в Сибири подготовлено около 400 тыс. механизаторов

торов, т. е. больше, чем их было в сельском хозяйстве в 1959 г. (300 тыс. чел.). Однако общее число механизаторов в колхозах, по сути дела, не выросло; в Алтайском крае оно даже сократилось с 38,9 тыс. до 35,1 тыс. чел. Общая численность специалистов сельского хозяйства в Западной Сибири за семилетку возросла на 12,7% — это было меньше годового выпуска вузов и техникумов. Главные причины оттока квалифицированных кадров из колхозов заключались в несовершенстве системы материального вознаграждения работников, в неустойчивости оплаты труда.

В решениях XXIII—XXVI съездов партии, в постановлениях мартовского (1965 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС разработаны принципы современной аграрной политики: создание и совершенствование такой системы экономических отношений, которая обеспечивала бы возрастающую материальную заинтересованность работников в развитии производства; последовательное проведение курса на интенсификацию сельского хозяйства путем его индустриализации, химизации, широкой мелиорации земель; дальнейшая специализация и концентрация производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Современная аграрная политика партии предусматривает комплексное развитие экономических, социальных и культурных сторон жизни современного крестьянства. На новом этапе цель социального развития села из социально ограниченной, социально подчиненной производству, какой она была на предыдущих этапах, становится одной из основных. Две цели в сельском хозяйстве — производство продукции и социальное развитие — получают программный характер. При всем своеобразии современного периода следует подчеркнуть преемственность и поступательное развитие аграрной политики партии, взаимосвязь основных тенденций социальных преобразований нынешнего этапа и предыдущих.

При всем разнообразии социальных процессов, протекавших в различные периоды строительства развитого социализма и его дальнейшего совершенствования, т. е. с конца 30-х гг. и до сегодняшнего дня, многие основные закономерности были общими. Прежде всего в эти годы происходило развитие и совершенствование социалистической по своей классовой сущности социальной структуры общества, свободной от остатков социальных слоев старых формаций. К общим можно отнести и такие закономерности, как увеличение численности и удельного веса рабочего класса; особенно его сельскохозяйственного отряда; возрастающие темпы роста советской интеллигенции, в первую очередь научно-технических кадров; повышение зрелости всех элементов социальной структуры, в частности культурно-технического уровня всех слоев трудящихся; созревание условий для сближения классов и социальных групп, двух форм социалистической собственности, города и деревни, умственного и физического труда. Все эти закономерности, проявившиеся уже на этапе упрочения социа-

Таблица 9

Изменение удельного веса сельского населения
в общей численности населения, %*

Регион	1959 г.	1976 г.	1979 г.
СССР	52	39	37
РСФСР	48	32	30
Западная Сибирь	48	32	29
В том числе:			
Алтайский край	67	47	47
Кемеровская область	23	14	13
Омская область	57	36	37
Новосибирская область	45	29	28
Томская область	52	33	34
Тюменская область	68	41	36

* Народное хозяйство СССР в 1975 г.: Стат. ежегодник. — М., 1976, с. 7; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. ежегодник. — М., 1976, с. 6—7; Народное хозяйство СССР в 1979 г.: Стат. ежегодник. — М., 1980, с. 12—14.

лизма, получили дальнейшее совершенствование и более многообразное проявление в условиях развитого социализма.

Итак, в ходе строительства и дальнейшего развития зрелого социализма, обладающего качественно однородной и относительно устойчивой социально-экономической структурой, происходит непрерывное изменение социально-профессионального состава населения; при этом одной из главных закономерностей становится стирание классовых различий, совершенствование внутриклассовой структуры, усложнение профессионального состава и повышение квалификационного уровня различных категорий трудящихся. Темпы социально-профессиональных изменений убыстряются на основе ускорения развития производительных сил, достижений научно-технической революции, совершенствования производственных и общественных отношений, роста общественного разделения труда, его кооперации, специализации и концентрации. Рассмотрим основные направления этих процессов, особо выделив специфику их проявления в западносибирской деревне.

Одно из направлений социального развития выражается в изменении соотношения численности городского и сельского населения на основе углубления процесса урбанизации (табл. 9).

За 14 лет (1964—1977 гг.) сельское население Сибири уменьшилось на 23%, в том числе в Западной Сибири — на 27%, в Восточной Сибири значительно меньше — на 17%, в РСФСР — на 21%.

В последние годы темпы сокращения населения села значительно снизились: в период между двумя переписями (1970 и 1979 гг.) численность сельского населения в Западной Сибири уменьшилась только на 10%. Эта положительная тенденция особенно усилилась в X пятилетке (1976—1980 гг.). За эти годы сельское население Западной Сибири даже несколько возросло: с 4051 тыс. до 4122 тыс. чел., рост населения происходил повсеместно за исключением Кемеровской области. В Восточной Сибири наблюдались аналогичные процессы; здесь исключение составлял Красноярский край, где сельское население сократилось с 980 тыс. до 963 тыс. чел. (доля его упала с 32 до 30%)².

Рост городского населения за рассматриваемый период происходил в большинстве районов Сибири более высокими темпами, чем в среднем по стране. С 1939 по 1975 г. городское население в РСФСР увеличилось в 2,4 раза, а в Западной Сибири — более чем втрое. В годы X пятилетки рост городского населения Сибири продолжался ускоренными темпами. В настоящее время Сибирь превратилась из резервной зоны, какой она считалась долгие годы, в район первоочередного развития, где ускоренными темпами формируются крупнейшие территориально-производственные комплексы. Однако в основных сельскохозяйственных районах Сибири доля сельского населения осталась большей, чем в среднем по РСФСР: в Алтайском крае — 47%, в Омской области — 37%.

Другое направление социальных сдвигов состоит в изменении классовой структуры общества: возрастании численности и удельного веса рабочего класса, количественном уменьшении колхозного крестьянства. За период с 1939 по 1976 г. в классовой структуре населения страны удельный вес рабочих поднялся с 33,5 до 61,2%, служащих — с 16,7 до 22,4%, а крестьян сократился с 49,8 до 16,4%. При этом если в 1937 г. насчитывалось 5,5% крестьян-единоличников и неоперированных кустарей, а в 1959 г. — менее 1%, то позднее данная социальная группа населения исчезла совсем. Особенно быстрыми темпами происходил рост аграрного отряда рабочего класса. Промышленный производственный персонал с 1940 по 1975 г. увеличился в 2,6 раза, количество работников строительного-монтажных работ — в 4,9 раза, а совхозов и государственных сельскохозяйственных предприятий — в 5,4 раза. Аграрный отряд рабочего класса составляет в настоящее время свыше одной четверти к численности промышленных и строительных рабочих. Количество же колхозников сократилось за рассматриваемый период почти в 2 раза.

В общем составе населения (работающие и иждивенцы) страны удельный вес крестьянства сократился с 20,5% в 1970 г. до 15,7% в 1977 г. Доля рабочих среди занятого сельского населения в целом по стране возрастала с 29,4% в 1959 г. до 46,1% в 1970 г. и 50,0% в 1975 г., а колхозников соответственно сокращалась с 60,8 до 39,8 и 31,0%. С 1975 по 1979 г. среди населения РСФСР,

Основные общественные группы населения
(работающие и иждивенцы), %*

Год	РСФСР				Западная Сибирь			
	Рабочие	Служащие	Колхозники	Прочие	Рабочие	Служащие	Колхозники	Прочие
1939	35,0	18,6	43,9**	2,5	34,7	16,1	47,0**	2,2
1959	55,4	20,2	24,2	0,2	62,4	18,1	19,4	0,1
1970	61,3	24,3	14,3	0,1	68,3	22,3	9,3	0,1

* Борисов Б. Л. Население Западной Сибири в период развитого социализма (изменение численности и состава). — В кн.: Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII — XX вв.). Новосибирск, 1979, с. 87.

** В 1939 г. в графу «колхозники» также включены кооперированные кустары: по РСФСР — 2,4%, по Западной Сибири — 2,5%.

занятого в народном хозяйстве, удельный вес рабочих и служащих поднялся с 65 до 66%, а колхозников сократился с 8 до 6%; всего доля лиц, работающих в сельском хозяйстве (включая лесное хозяйство) уменьшилась с 17 до 15%³.

В восточных районах страны, в том числе в Западной Сибири, эти процессы протекали более интенсивно (табл. 10).

В 1970—1975 гг. численность рабочих и служащих продолжала расти, а колхозников — сокращаться. За эти годы общее число рабочих и служащих увеличилось в Омской области на 11%, в Новосибирской — на 8%, в том числе в промышленности — соответственно на 7 и 3%, в сельском хозяйстве — на 1 и 2%, а колхозников уменьшилось на 6 и 11%. В Томской области среднегодовая численность работников, занятых в основном производстве совхозов, возросла на 70%, а число колхозников сократилось в 2,7 раза.

В Западной Сибири в более широких масштабах, чем в целом по стране, осуществлялось создание новых совхозов путем преобразования колхозов в совхозы. Кроме того, количество совхозов возросло за счет происшедшего в 60—70-х гг. разукрупнения их. Только за 60-е гг. среднегодовая численность работников основного производства, посевная площадь в расчете на один совхоз сократились почти в 2 раза, а сельскохозяйственные угодья — в 1,7 раза⁴: в 1953 г. в Западной Сибири было 312 совхозов, в 1959 г. — 440, в 1970 г. — 1081, а в начале 1976 г. их насчитывалось 1353, т. е. в 4,5 раза больше, чем в 1953 г.

Число колхозов за эти годы уменьшилось более чем в 6 раз. Если в 1959 г. на один совхоз приходилось почти 5 колхозов, то в конце периода на один колхоз приходилось 2 совхоза. В конце 1977 г. в Западной Сибири насчитывалось 725 колхозов и 1429 совхозов. В совхозном производстве региона сосредоточилось 72% посевных площадей, 71% валовой продукции общественного сектора, 69% трудовых ресурсов села. По РСФСР эти показатели составляли соответственно 52, 55 и 47%⁵. По удельному весу совхозов в сельскохозяйственном производстве Западная Сибирь уступает лишь Дальнему Востоку и Казахстану. Рабочий класс стал преобладающей частью населения не только в городе, но и в деревне.

Предпринятые организационные и экономические меры сблизили колхозы и совхозы по уровню технической и энергетической оснащенности, степени механизации основных работ, уровню производительности труда. В расчете на одного работника разрыв в уровне производительности труда совхозов и колхозов Западной Сибири в 1966—1970 гг. составлял 18%, а в 1971—1973 гг. сократился до 15% (в РСФСР эти показатели равны соответственно 27 и 26%). В дальнейшем произошло еще большее поравнение колхозов и совхозов по качественным производственным показателям. Так, в 1979 г. в Западной Сибири на производство 1 ц основных продуктов прямые затраты труда были следующими (человеко-часов)*:

Вид продукта	Колхозы	Совхозы
зерно	0,8	0,8
картофель	2,2	1,7
овощи	9,8	2,4
привес молодняка и привес откорма:		
крупного рогатого скота	43,0	41,0
свиной	36,0	17,0
молоко	7,3	7,0
шерсть	196,0	171,0

* Народное хозяйство РСФСР в 1979 г., с. 164—165, 170.

Следствием этого процесса является стирание различий в профессиональной структуре рабочей силы колхозов и совхозов. На основе достижений научно-технического прогресса и роста культурно-технического уровня работников сельского хозяйства усложняется социально-профессиональная структура колхозного крестьянства и работников совхозов, происходит рост профессионализма. Центральная тенденция процесса состоит в повышении доли

Таблица 11

Численность трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров в колхозах, совхозах и межхозяйственных сельскохозяйственных предприятиях (на 1 апреля), тыс.*

Типы хозяйств	1960 г.		1965 г.		1970 г.		1976 г.	
	Западная		Западная		Западная		Западная	
	РСФСР	Сибирь	РСФСР	Сибирь	РСФСР	Сибирь	РСФСР	Сибирь
Колхозы	675	85	695	63	679	56	674	49
Совхозы	334	69	517	112	576	112	734	126
Всего...	1009	154	1212	175	1255	168	1414**	175

* Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник. — М., 1977, с. 170. По Западной Сибири расчеты проведены по данным сводных годовых отчетов колхозов и совхозов.

** Из них 6 тыс. механизаторов было занято в межхозяйственных предприятиях.

индустриального труда, в абсолютном и относительном увеличении количества механизаторов в деревне (табл. 11).

За 1960—1975 гг. численность механизаторов в среднем по РСФСР возросла в 1,4 раза, а в Западной Сибири — лишь в 1,1 раза. Если в РСФСР в колхозах численность механизаторов почти не изменилась, а в совхозах увеличилась в 2,2 раза, то в Западной Сибири количество механизаторов в колхозах уменьшилось в 1,7 раза, а в совхозах возросло в 1,8 раза. Однако доля механизаторов в числе работающих в колхозах и совхозах в Западной Сибири была выше, чем в среднем по РСФСР. В конце 30-х гг. в РСФСР механизаторы в составе колхозников составляли 4—5%, в 1966 г. — 12,6, в 1971 г. — 14,4, в 1976 г. — 17,4%. В колхозах Западной Сибири удельный вес механизаторов среди колхозников повышался еще более быстрыми темпами: в 1939 г. — 4,1%, в 1965 г. — 16,2, в 1971 г. — 18,5, в 1976 г. — 20,7%⁶.

Большую роль играют механизаторы в совхозном производстве. В РСФСР доля трактористов-машинистов, трактористов, комбайнеров, шоферов среди всех работающих в совхозах с 1965 по 1976 г. поднялась с 15 до 19% (без шоферов — с 13 до 15%). В совхозах Западной Сибири удельный вес механизаторов примерно соответствовал средним показателям по РСФСР. Так, в совхозах Новосибирской области в 1975 г. доля трактористов, комбайнеров, шоферов достигала 20% среди работающих (без шоферов — 15%). В колхозах эти показатели были несколько выше, что подтверждается данными социологического обследования, проведенного в Новосибирской области в 1972 г. и выявившего в совхозах 24,4% механизаторов среди опрошенных, а в колхо-

зах — 28,9%. На уровень насыщенности совхозов Западной Сибири механизаторскими кадрами рассматриваемых категорий повлиял, по-видимому, процесс массового преобразования слабых колхозов в совхозы⁷.

В годы X пятилетки тенденция на повышение доли механизаторов продолжала развиваться. По данным ЦСУ РСФСР, в колхозах Западной Сибири на 1 августа 1979 г. удельный вес колхозников, использующих механизацию, составил 41,5%, в Восточной Сибири — 37,0%, в среднем по РСФСР — 30,9%. В совхозах доля механизированного труда была также высокой и достигала в Западной Сибири — 37,2%, в Восточной Сибири — 32,7, в среднем по РСФСР — 30,4%.

Сравнительно высокая доля механизаторов в колхозах и совхозах Западной Сибири является следствием большой вооруженности сельского хозяйства региона в расчете на одного работающего, чем в среднем по РСФСР. В 1974 г. на одного среднегодового работника колхозов и совхозов Западной Сибири приходилось почти 27 л. с. энергетических мощностей, в РСФСР — 19 л. с., а в 1977 г. соответственно 31,5 и 25,4 л. с. Высокая машиновооруженность и большой удельный вес механизаторов определяются совокупностью причин: природными условиями — короткий вегетационный период; необходимостью в максимально сжатые сроки производить посев и уборку; крайней напряженностью трудовых ресурсов. На одного работника сельского хозяйства здесь приходилось в середине 70-х гг. пашни в 2,7 и скота в 1,5 раза больше, чем в среднем по стране⁸.

Приведенные данные о численности механизаторов и их удельном весе среди занятых в общественном хозяйстве не выражают в полной мере экономической роли механизаторов в производстве. Затраты труда трактористов, комбайнеров, шоферов и других кадров механизаторов составляют не менее 4/5 затрат труда колхозников, занятых в сфере материального производства. Таким образом, в составе работников сельского хозяйства и особенно в структуре затрат труда механизаторы занимают все большее место.

Численность механизаторов хотя и растет, но отстает от технического прогресса, совершающегося в сельском хозяйстве, от обеспеченности техникой колхозов и совхозов. Машин и различной техники в деревне становится с каждым годом все больше, поэтому ощущается нехватка высококвалифицированных кадров. Обеспеченность механизаторскими кадрами в расчете на количество машин снижается.

За 1965—1975 гг. для сельского хозяйства РСФСР было подготовлено 3,3 млн. механизаторов, а их численность в колхозах и совхозах увеличилась на 0,3 млн. чел., т. е. примерно на 10%, в то время как парк тракторов возрос на 42%, комбайнов — на 29%, автомашин — на 54%. В 1976—1979 гг. было подготовлено

2839 тыс. механизаторов, а рост их численности составил лишь 143 тыс. чел.⁹

В Западной Сибири рост числа механизаторов еще в большей степени отставал от масштабов их подготовки. Абсолютный рост численности механизаторов происходил здесь до 1965—1967 гг., затем вплоть до 1973 г. наблюдался некоторый спад. В 1974—1975 гг. снова наступил прирост количества механизаторов, составивший 6,5%; в 1976 г. был достигнут предел 1965—1967 гг. и превзойден уровень 1960 г. на 13,5%. Численность трактористов-машинистов, трактористов и комбайнеров за 1976—1979 гг. увеличилась на 9% и составила в колхозах Западной Сибири 54,1 тыс., совхозах 135,7 тыс., в Восточной Сибири соответственно 28,8 тыс. и 61 тыс. чел.

Причины большой текучести механизаторских кадров многообразны: неудовлетворенность жилищными и культурно-бытовыми условиями, недостатки в организации, нормировании и оплате труда, низкие заработки в межсезонные и зимние периоды. В Сибири текучесть кадров механизаторов, как и в целом сельскохозяйственных кадров, особенно молодежи, сказывается наиболее остро. Численность трактористов-машинистов в колхозах и совхозах РСФСР в расчете на 100 тракторов составляла в 1965 г. 173, а в 1976 г. 128 чел.; в Западной Сибири — 175 и 134 чел. В РСФСР в 1975 г. из каждых 100 прибывших механизаторов выбывало 98 человек. В Новосибирской области с 1970 по 1975 г. подготовлено 73,6 тыс. механизаторов, а их численность в колхозах и совхозах увеличилась лишь на 1,1 тыс., т. е. на 2,5%. В Алтайском крае с 1960 по 1975 г. ежегодно подготавливалось 20—25 тыс. механизаторов, а их общая численность оставалась без изменений¹⁰.

С давних времен освоению природного потенциала Сибири и формированию на этой основе территориальных хозяйственных комплексов наряду с недостатком инвестиций препятствовал дефицит рабочей силы. Смягчить последний в предвоенный период удавалось благодаря интенсивному притоку трудовых ресурсов из других районов СССР. До сих пор в предплановых обоснованиях и балансовых расчетах по труду на этот источник покрытия дополнительной потребности хозяйства Сибири в рабочей силе возлагаются большие надежды. Между тем фактическая миграция населения расходуется с гипотетической.

В результате сокращения сельского населения обеспеченность колхозов и совхозов рабочей силой падает. Данные обследования, проведенного социологами-экономистами под руководством академика Т. И. Заславской, показали, что в 1966 г. обеспеченность

колхозов и совхозов Новосибирской области работниками составляла 92%, в 1971 г. снизилась до 86%, в том числе сезонными и временными — с 83 до 59%. Средний уровень трудоустроенности колхозного производства в 1971 г. равнялся 76,6%. Отношение фактической численности к плановой в совхозах Западной Сибири составляло в 1960 г. 99,5%, в 1970 г. 90, в 1974 г. 95%.

При этом дефицит труда резко возрастает в период напряженных сельскохозяйственных работ: по механизаторам до 30—40%, в целом по работникам растениеводства до 50—80%. Этот дефицит лишь отчасти восполняется территориальными и межотраслевыми перераспределениями орудий труда (комбайнов и автомашин) и трудовой мобилизацией несельскохозяйственного населения. Удельный вес труда привлеченных работников в общих прямых затратах труда в растениеводстве с 1960 по 1974 г. поднялся в колхозах Западной Сибири с 6,0 до 13,2%, в совхозах — с 8,0 до 20,1%. Дефицит работников животноводства в 1967—1972 гг. несколько возрос, но его общий уровень был в 2 раза ниже общего дефицита рабочей силы и почти в 3 раза ниже дефицита трактористов-машинистов. На начало 1975 г. фактическая численность работников животноводства совхозов Новосибирской области составляла 95% к плановой среднегодовой потребности. По подсчетам экономистов, дефицит труда по отношению к экономически наиболее рациональной структуре сельскохозяйственного производства региона составляет 25—30%, по отношению к фактической (менее интенсивной) структуре — 10—12% среднегодовых и 30—40% сезонных затрат труда¹¹.

К отмеченным уже общим причинам высокой текучести надо прибавить и специфические, сибирские. Комплекс условий жизни сельского населения Сибири еще значительно отстает от городского, а также от условий многих сельских районов Украины, Молдавии, Кубани, Средней Азии, Казахстана. В Сибири ниже, чем в среднем по стране, уровень потребления жилья, платных услуг, использования общественных фондов потребления, развития практически всех отраслей сферы обслуживания¹². Трудящиеся сибирской деревни находятся в худшем положении по сравнению с работниками несельскохозяйственных отраслей с точки зрения общей занятости в общественном производстве. Годовая трудовая нагрузка работников колхозов и совхозов Западной Сибири превышает нагрузку работников промышленности на 20—25%. Годовой фонд рабочего времени в совхозах Сибири в 1972 г. был на 27% выше, чем в среднем по совхозам РСФСР. Конкретные социологические обследования показали, что 2/3 реальной и потенциальной миграции квалифицированных кадров села определяются неудовлетворенностью социально-бытовыми и культурными условиями жизни и 1/3 — неудовлетворенностью содержанием, организацией, условиями труда и прочими причинами. Интенсивное промышленное строительство в городах и вновь осваиваемых районах Сибири обуславливает большой спрос на рабочую силу.

Все это создает серьезные стимулы для миграции сельского населения Сибири в города или другие сельские районы страны.

Некоторые негативные тенденции в количественном составе механизаторов в значительной мере преодолеваются путем повышения уровня квалификации работников, совершенствования системы организации труда. Качественный рост механизаторов выражается в повышении их общеобразовательного и квалификационного уровня. Так, на Алтае с 1965 по 1975 г. число механизаторов в растениеводстве увеличилось с 64,2 тыс. до 69,2 тыс. чел., а удельный вес механизаторов I и II классов (производительность труда которых на 15—20% выше, чем III класса) поднялся с 41,4 до 65,6%. Аналогичный процесс происходил и в животноводстве: в 1967 г. мастеров-животноводов I и II классов было 7,5%, в 1975 г. — уже 34,6%.

В других районах Сибири прослеживается та же основная тенденция роста уровня подготовки работников. За 1962—1976 гг. в целом по Западной Сибири доля трактористов-машинистов I класса поднялась с 10 до 25%, II класса — с 25 до 29, а III класса снизилась с 65 до 46%. По удельному весу трактористов-машинистов I и II классов колхозы и совхозы Западной Сибири находились примерно на уровне средних показателей по РСФСР и уступали лишь хозяйствам Черноземного Центра, Поволжья и Северного Кавказа. К середине 70-х гг. около 1/3 работников ферм и комплексов, в том числе 2/5 доярок, прошли аттестацию на звание мастеров животноводства I и II классов.

С ростом насыщенности сельского хозяйства совершенной машинной техникой (сельское хозяйство получает около 1 тыс. наименований машин) повышается квалификация работников, появляются новые механизаторские специальности, в то же время усиливается потребность в механизаторах широкого профиля, способных совмещать профессии. Механизация широко внедряется во все сферы сельскохозяйственного производства, в частности в животноводство. В настоящее время насчитывается более 50 механизаторских специальностей: механизаторы-животноводы, мастера машинного доения, механизаторы-кукурузоводы, свиноводы и т. д. За 1965—1976 гг. доля доярок, занятых на машинной дойке, в колхозах РСФСР поднялась с 10 до 63%; в колхозах Западной Сибири она составляет около 93%. В совхозах уровень машинной дойки еще выше. В 1975 г. лишь 11% доярок Алтайского края и Тюменской области выполняли эту работу вручную. В 1979 г. удельный вес операторов машинного доения в колхозах Западной Сибири составил 97%, Восточной — 66%, в РСФСР — 82%, а в совхозах соответственно 97, 76 и 87%.

Наряду с механизаторами увеличивается также число колхозников, занятых индустриальным трудом, но не непосредственно в сельскохозяйственном производстве (строители, колхозники на постоянных работах в промышленных и подсобных предприятиях, мастерских и др.). Общая численность таких колхозников в РСФСР

в 1965 г. составляла 416,9 тыс. чел. (5,7%), в 1976 г. — 451,7 тыс. чел. (8,3%). По колхозам Западной Сибири эта социальная группа в 1965 г. насчитывала 24,4 тыс. чел. (5,5%), в 1976 г. — 32,3 тыс. чел. (10,8%); в Алтайском крае и Кемеровской области ее удельный вес поднимается до 12,2%. В совхозах доля этой социальной категории еще выше. Так, по данным социологического обследования, проведенного в 1972 г., в совхозах Новосибирской области рабочие несельскохозяйственных профессий составляли 15,9%, в колхозах — 12,0%. По данным переписи 1970 г., доля промышленного отряда рабочего класса среди занятого сельского населения в Западной Сибири составляла 41,22%, в РСФСР — 40,58%.

В составе колхозников растут численность и удельный вес лиц, которые по характеру своего труда близки к промышленным рабочим. Рост численности и удельного веса работников промышленного труда ведет к увеличению того нового пограничного слоя, который соединяет передовые черты рабочего класса и колхозного крестьянства, олицетворяет собой процесс сближения классов и социальных слоев нашего общества. На XXIV съезде КПСС в отчетном докладе ЦК был сделан вывод о том, что у крестьянина «появляется все больше общих черт с рабочим, растет число колхозников, чей труд непосредственно связан с машинами и механизмами»¹³.

Сдвиги в профессиональном составе колхозников и рабочих совхозов проявляются не только в возрастании численности работников, занятых промышленным трудом, в формировании специалистов широкого профиля, появлении новых профессий, ранее не известных деревне, но и в сокращении доли ручного неквалифицированного труда. Хотя в колхозах и совхозах еще преобладали работники, занятые в основном ручным трудом, их доля резко сократилась. В 1939 г. примерно 88—89% колхозников РСФСР, в том числе и Западной Сибири, были заняты преимущественно ручным трудом, подавляющее большинство из них не имели специальной профессиональной подготовки. К 1959 г. доля работников без обозначения специальности сократилась в РСФСР на 11%, в Западной Сибири — на 15%. Эта категория продолжала преобладать: среди колхозников РСФСР, занятых преимущественно физическим трудом, она составляла 71,9%. Доля же работников, занятых ручным трудом, была еще выше. К 1975 г. в связи с ростом механизации удельный вес этой категории работников значительно сократился. В колхозах Западной Сибири он составляет примерно 65—67%, при этом в растениеводстве значительно ниже — 26% (по РСФСР — 39%). В совхозах доля названной категории еще меньше (табл. 12).

Удельный вес работающих вручную сократился почти до половины, но и среди этой группы растет профессионализм. На 1 августа 1979 г. в совхозах Западной Сибири работающие вручную составляли 62,8%, в том числе 8,0% при машинах и механизмах, 2,8% — по ремонту и наладке машин, 52,0% — не при

Состав рабочих совхозов Западной Сибири
по характеру труда, %*

Группы рабочих	Растениеводство		Животноводство	
	1962 г.	1975 г.	1962 г.	1975 г.
Бригадиры, помощники бригадиров	2,0	3,1	3,6	3,8
Звеньевые, старшие рабочие	0,3	0,7	2,6	2,0
Наладчики агрегатов и оборудования			0,6	3,4
Рабочие зооветслужбы			3,3	3,8
Работающие при помощи машин и механизмов	27,7	42,7	12,3	24,3
Работающие при машинах и механизмах (конвейеры и транспорты)	4,9	2,0	1,9	11,1
Работающие вручную не при машинах и механизмах	65,1	51,5	75,7	51,6

* Рассчитано по сводным годовым отчетам совхозов.

машинах и механизмах: в колхозах соотношение работников этих категорий — 58,5, 5,6, 2,9, 50,0%. Роль работающих при помощи машин и механизмов непрерывно растет: за 1962—1975 гг. их доля увеличилась в совхозах в растениеводстве — в 1,5, в животноводстве — в 2 раза, а с 1975 по 1979 г. — еще на 3,1%. Механизаторы — главная сила современной деревни.

Закономерностью социального развития деревни является рост сельской интеллигенции. Увеличение числа работников умственного труда происходит на общем фоне роста образования и культуры. На тысячу сельских жителей в Алтайском крае в 1939 г. было 26 чел., имеющих высшее и среднее образование (включая неполное среднее), в 1959 г. — 164, а в 1970 г. — 323 чел.; в Новосибирской области соответственно 24, 142 и 289 чел.¹⁴.

По данным социологических обследований ИЭиОПП СО АН СССР, уровень образования сельского населения Новосибирской области за десятилетие (с 1967 по 1977 г.) изменился следующим образом, %¹⁵:

	1967 г.	1972 г.	1977 г.
Высшее и незаконченное высшее	2,4	3,2	4,1
Среднее специальное	4,0	11,1	11,5
Среднее	3,2	5,2	13,0
Неполное среднее	28,5	30,3	33,7
Начальное	44,4	38,6	29,9
Ниже начального	17,5	11,6	7,8

**Профессиональное образование сельского населения
Новосибирской области, занятого в общественном производстве, %***

Форма образования	Все работники			Молодежь (до 30 лет)		
	1967 г.	1972 г.	1977 г.	1967 г.	1972 г.	1977 г.
Высшее, незаконченное высшее и среднее специальное	6,4	14,3	16,6	9,3	21,7	20,6
Профессионально-техническое (ПТУ)	4,6	12,7	16,5	8,1	23,4	32,1
Курсовое	28,0	26,4	33,9	32,6	24,6	26,5
Без профессионального образования	61,0	49,6	34,0	50,0	30,3	20,8

* Нонкин Н. Т., Глебова Ю. Л. Уровень общего, профессионального и специального образования, условия его получения и повышения. — В кн.: Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни, с. 114.

Средняя продолжительность обучения у работников повысилась с 5,8 года в 1967 г. до 7,9 в 1977 г. В 1975—1976 гг. в Новосибирской области среди работников, занятых в общественном материальном производстве, высшее и незаконченное высшее имели 1,4%, а среди работающих в непроизводственной сфере — 10,4, среднее специальное образование — соответственно 9,1 и 31,9%¹⁶.

Образовательный уровень сельского населения Западной Сибири ниже, чем в РСФСР и в стране в целом: доля лиц с высшим и средним общим и специальным образованием здесь почти на треть меньше, чем в среднем по республике. По-видимому, это объясняется интенсивной миграцией из Сибири, особенно специалистов из села: работники с высшим и средним образованием мигрируют из деревни в 2,5—4 раза интенсивнее, чем остальные. Однако уровень профессионального образования сельского населения значительно повысился (табл. 13).

Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве меняет пропорции физического и умственного труда. За 1960—1975 гг. доля работников преимущественно умственного труда в колхозах Западной Сибири почти удвоилась и составила около 11%, приблизившись к доле этих работников в совхозах (12—14%). В 1977 г. в новосибирской деревне работники, занятые преимущественно умственным трудом, среди мужчин составляли 21,3%, среди женщин — 36,9%. Численность дипломированных работников на должностях специалистов и руководящего состава в Западной Сибири за 1960—1975 гг. более чем утроилась и достигла 50 тыс. чел. На один колхоз приходилось 4 специалиста с высшим и 12 со

средним специальным образованием, на один совхоз — соответственно 8 и 18 чел. На Алтае эти показатели были значительно выше: на колхоз — 22, на совхоз — 34 дипломированных специалиста. Удельный вес дипломированных специалистов в общей численности работников колхозов и совхозов поднялся за 15 лет с 1,2 до 5%. Доля практиков на должностях специалистов и руководящего состава непрерывно снижается, но все же остается значительной — 49% в колхозах и совхозах Западной Сибири и 41—46% в РСФСР.

Большие изменения произошли в уровне образования главных специалистов, председателей колхозов, директоров совхозов. С 1960 по 1975 г. в Западной Сибири удельный вес председателей колхозов с высшим и средним специальным образованием возрос с 49 до 91%, директоров совхозов — с 87 до 97%. Высшее образование имеют от 2/3 до 3/4 директоров и главных специалистов совхозов и около 50% председателей и главных специалистов колхозов. Среди агрономов и зоотехников колхозов и совхозов доля дипломированных специалистов колеблется от 82 до 90%, экономистов — 81—87, ветеринаров — 50—55, инженеров и техников — 45—50, бухгалтеров — 38—39%¹⁷. Ниже показан удельный вес дипломированных специалистов в колхозах и совхозах Западной Сибири в 1975 г., %¹⁸:

	Всего	В том числе с высшим образованием
Директора совхозов и председатели колхозов	95	64
Главные специалисты колхозов и совхозов	87	55
Специалисты	58	11
Руководители среднего и низшего звена	27	3

Наибольшие успехи в подготовке специалистов достигнуты в Алтайском крае, чему способствовало постановление ЦК КПСС от 11 июля 1972 г. «О работе Алтайского крайкома КПСС по повышению роли специалистов в развитии колхозного и совхозного производства»¹⁹. В Алтайском крае общее число дипломированных работников среди руководящего персонала с 1965 по 1975 г. увеличилось в 2,2 раза, а инженеров и техников — в 2,4 раза. К концу 1975 г. на Алтае высшее и среднее специальное образование имели почти все главные агрономы, зоотехники и ветеринарные врачи, 98,9% директоров совхозов и 98,3% председателей колхозов, 98,4% главных инженеров и 97,3% главных экономистов. Численный состав дипломированных специалистов среднего звена возрос в 5,6 раза. Удельный вес бригадиров-расте-

ниеоводов со средним специальным и высшим образованием с 1965 по 1975 г. увеличился с 3,7 до 54,4%, заведующих животноводческими фермами — с 4,4 до 47,1%.

Успехи Алтайского края в повышении квалификации сельскохозяйственных кадров столь значительны, что исследователи говорят об алтайском «статистическом феномене» в этой области. Причины этого явления многоплановы: разработка перспективных планов повышения квалификации кадров, проведение в передовых хозяйствах семинаров и научно-производственных конференций, составление специалистами личных творческих планов, широкое вовлечение практиков в очное и заочное обучение в сельскохозяйственных учебных заведениях и т.п. В 1975 г. в колхозах и совхозах Западной Сибири из 100 практиков заочно обучалось в вузах и техникумах 10 чел., а в Алтайском крае в колхозах — 23, в совхозах — 22 чел. Ни один регион РСФСР не имеет такой высокой доли обучающихся, как Алтайский край. Всего в Западной Сибири заочно обучалось в 1975 г. 4373 практиков, из них 2308 (более половины) — из Алтайского края.

В других областях Западной Сибири уровень квалификации кадров значительно ниже. Так, в Новосибирской области дипломированные специалисты среди бригадиров-растениеводов составляют в колхозах 8,8%, в совхозах 14,7%, среди бригадиров-животноводов — соответственно 6,9 и 9,1%. В Омской области показатели еще ниже. Это примерно в 2,5—3 раза меньше, чем в среднем по РСФСР. Удельный вес дипломированных специалистов среди большинства категорий работников в Западной Сибири, особенно в Новосибирской и Омской областях, ниже средних показателей по РСФСР. Их доля в составе всех руководителей и специалистов в 1975 г. в колхозах РСФСР достигала 54%, в совхозах — 59%, в Западной Сибири — соответственно 51 и 51%, в Алтайском крае — 64 и 64%, Новосибирской области — 41 и 44%, в Омской — 40 и 42%²⁰.

Особенно отстает уровень квалификации кадров среднего звена. Хотя за 1965—1975 гг. удельный вес дипломированных специалистов на должностях управляющих отделениями совхозов Западной Сибири увеличился в 2 раза, бригадиров растениеводства и животноводства (включая заведующих фермами) — более чем в 5 раз, подавляющее большинство непосредственных руководителей производства, повседневно выполняющих многообразные экономические и социальные функции, не имеют специального образования. В 1975 г. среди управляющих отделениями совхозов практики составляли 62%, среди бригадиров растениеводства — 79%, бригадиров животноводства — 84%.

Не случайно подготовке специалистов среднего звена большое внимание уделяет ЦК партии, рассматривая ее как важнейшую общегосударственную задачу. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по стимулированию перехода специалистов сельского хозяйства на работу руководи-

телями отделений, бригад, ферм и других подразделений среднего звена производства в колхозах и совхозах»^{2 1} предусмотрены важные меры для дальнейшего укрепления специалистами подразделений среднего звена производства.

В годы X пятилетки тенденция на повышение образовательного уровня колхозно-совхозных кадров продолжала углубляться. По данным ЦСУ РСФСР, удельный вес председателей колхозов, имеющих высшее и среднее специальное образование, с 1975 по 1980 г. в Западной Сибири поднялся с 91 до 96%, в Восточной Сибири — с 86 до 95%, в РСФСР — с 89 до 95%; среди директоров совхозов в Западной Сибири — с 97 до 99%, в Восточной — с 97 до 99%, в РСФСР — с 97 до 98%. Среди всех руководящих работников колхозов и специалистов доля рассматриваемой категории по образованию за указанный период возросла в Западной Сибири с 51 до 63%, в Восточной Сибири — с 53 до 60%, в РСФСР — с 54 до 64%; в совхозах Западной Сибири — с 51 до 63%, Восточной Сибири — с 55 до 64%, РСФСР — с 59 до 68%.

Численность сельской непроектной интеллигенции увеличивалась менее значительно, чем производственной. Так, в Омской области с 1970 по 1976 г. количество сельских учителей и воспитателей поднялось с 13,7 тыс. до 15,0 тыс., врачей — с 0,8 тыс. до 1,0 тыс., среднего медицинского персонала — с 5,4 тыс. до 6,3 тыс. чел.

Существенные результаты достигнуты в улучшении качественного состава сельской интеллигенции. В Омской области общее количество учителей в сельских средних школах с 1965 по 1975 г. возросло на 40%. Поднялась квалификация сельских учителей. Если в целом по стране в 1950 г. процент учителей, имеющих высшее образование, на селе был в 4 раза ниже, чем в городе, то к 1970 г. деревня отставала по этому показателю примерно в 1,5 раза: в городе учителя с высшим образованием составляли 63,4%, а в деревне 44,5%. Несмотря на этот крупный прогрессивный сдвиг, деревня к 70-м гг. вышла на тот уровень, который в городе был достигнут в 1960 г., и по этому важнейшему показателю профессиональной компетентности учительства село отставало от города на десять лет.

В Сибири протекали те же процессы, хотя образовательный уровень сельских учителей здесь несколько ниже. В 1971 г. в Алтайском крае учителей 4—10 классов с высшим образованием было лишь 61,5%, а в 1977 г. — уже 79,8%. В Новосибирской области за 1967—1977 гг. в связи с сокращением числа учащихся, обусловленным уменьшением численности сельского населения и ухудшением возрастной структуры, количество сельских учителей несколько сократилось (на 21%), однако их квалификационный уровень повысился: доля учителей с высшим образованием возросла более чем в 1,5 раза и достигла 44,5% (по Западной Сибири — 51,8%, РСФСР — 56,9%)^{2 2}.

Недостаточное развитие сети медицинских учреждений на селе, слабая обеспеченность их квалифицированными кадрами проявилась в том, что фактическая обращаемость за медицинской помощью в деревне в 1,5—2 раза ниже, чем в городе. Сибирская деревня ощущает хронический дефицит квалифицированных кадров сферы культурного обслуживания. Так, Дома культуры обеспечены работниками лишь на 80—85%. Социологическое обследование 1972 г. показало, что в Новосибирской области дефицит работников сельских культурно-просветительных учреждений составил 14%, учреждений здравоохранения — 10%.

Но главное не в количестве, а в качестве, в уровне подготовки работников. В составе работников здравоохранения преобладают медсестры и фельдшеры. Если в городе 65% всех обращений к медицинским работникам приходится на врачей, то в деревне — только 14%. Хотя за 1965—1975 гг. общая численность платных культпросветработников в сельских клубах Западной Сибири выросла на 47% и значительно повысилась их квалификация, уровень последней в регионе отстает от средних показателей по РСФСР. Так, в 1975 г. высшее образование в РСФСР имели 2,3% сельских культпросветработников, в Западной Сибири — 0,9%, среднее соответственно 80,8 и 68,9% (в том числе специальное — 25,7 и 21,3%), ниже среднего — 16,9 и 30,2%²³. Недостаточно высокий профессионально-квалификационный уровень кадров сферы обслуживания деревни во многом объясняется их высокой текучестью. Профессии обслуживания являются «сквозными» для деревни и города, работники, имеющие их, легко находят себе работу и в рабочем поселке, и в городе.

В целом численность сельской интеллигенции и уровень ее квалификации к середине 70-х гг. значительно возросли: каждый девятый сельский житель трудился в области просвещения, культуры, здравоохранения, науки. По примерным расчетам, в конце 30-х гг. в Новосибирской области удельный вес в населении сельской интеллигенции (производственной и непроизводственной) составлял 3,5%, в 1970 г. (данные переписи населения) — 18%, а в 1972 г. (данные социального обследования) — 22%. По данным переписи населения 1970 г., в Западной Сибири доля лиц умственного труда среди занятого сельского населения достигала 19,3% (в РСФСР — 18,0%), а доля работников умственного труда среди неаграрного населения — 30,0%²⁴.

Хотя удельный вес работников умственного труда в городе все еще гораздо больше, чем в деревне, темпы роста сельской интеллигенции значительно выше по сравнению с городской. В 1970 г. доля лиц с высшим образованием в составе сельского населения была в 3,1 раза ниже, чем в составе городского населения, а лиц с образованием ниже начального — в 2,1 раза больше. С 1959 по 1975 г. удельный вес работников с высшим образованием среди занятого населения города возрос в 1,9 раза, деревни — в 3,2 раза, а с полным и неполным средним образова-

Таблица 14

Распределение трудовых ресурсов сельской местности
Новосибирской области между основными сферами занятости
на 1 января 1977 г., %*

Сфера занятости и категория занятых	Всего	В том числе	
		Общественный сектор	Домашнее и личное подсобное хозяйство
Сферы материального производства и личного подсобного хозяйства	52,5	50,4	2,1
В том числе сельского хозяйства	33,9	31,8	2,1
Сферы потребления и досуга (розничная торговля, общественное питание, жилищно-бытовое обслуживание, сберегательные кассы, домашнее хозяйство, культура)	10,5	6,1	4,4
Временно не работающие	10,3	10,3	-
Управление	3,7	3,7	-
Здравоохранение	4,4	4,4	-
Образование (работники)	5,3	5,3	-
Маятниковые мигранты — работники городов	5,9	5,9	-
Итого используемых трудовых ресурсов	92,6	86,1	6,5
Из них в сельской местности	86,7	80,2	6,5
Учащиеся 16 лет и старше с отрывом от производства	7,4	7,4	-
Из них маятниковые	1,4	1,4	-
Всего трудовых ресурсов	100	93,5	6,5

* Методология и методика системного изучения советской деревни, с. 216.

нием — соответственно в 1,4 и 1,9 раза. По подсчетам социологов, прирост численности сельского населения со средним образованием в Западной Сибири в 60-х гг. равнялся 42,5%, а в 70-х — 94%²⁵.

Результаты выборочного обследования сельского населения Новосибирской области показывают общую картину распределения трудовых ресурсов, косвенно отражающую социально-профессиональную структуру деревни (табл. 15).

Рассмотренные основные направления развития социально-профессиональной структуры сельского населения свидетельствуют о прогрессивных изменениях и непрерывном ее совершенствовании.

вании в ходе социалистического строительства. Вместе с тем не преодолены до конца и некоторые негативные моменты, есть нерешенные проблемы. Сокращение быстрыми темпами численности и доли сельского населения сопровождалось возрастающей миграцией сельской молодежи и квалифицированных кадров, что ухудшало возрастную структуру, показатели естественного движения населения и увеличивало в ряде районов дефицит рабочей силы. Западная Сибирь относится к числу регионов, где эта негативная тенденция проявляется наиболее рельефно, что с особой остротой выдвигает здесь проблему стимулов и средств по закреплению рабочей силы и сокращению текучести кадров.

Квалификационный состав рабочих совхозов, колхозников, руководителей и специалистов сельхозпредприятий улучшился, резко возросла доля лиц, применяющих в работе машины и механизмы, однако около половины занятых в растениеводстве и животноводстве трудятся еще вручную. Среди руководителей отделений, бригад и ферм преобладают лица без специального образования, и это ставит проблему подготовки и закрепления квалифицированных кадров среднего звена как важнейшую социальную задачу сегодняшнего дня. Предстоит решить многие проблемы преодоления культурной отсталости деревни, увеличить темпы насыщенности ее квалифицированными специалистами — интеллигенцией непроизводственной сферы.

В ходе реализации современной аграрной политики партии, направленной на всестороннюю индустриализацию сельского хозяйства, перевод его на промышленную технологию, дальнейшее развитие специализации и концентрации на базе межхозяйственной кооперации и аграрно-промышленной интеграции, а также последовательное проведение курса на преимущественное развитие восточных районов, будут преодолены отмеченные выше трудности и достигнут ускоренный социальный прогресс сибирской деревни.

Литература и источники

1. Тонаевская Н. С. Рабочие совхозов Западной Сибири. 1959—1965 гг. — Новосибирск, 1978, с. 65, 98.
2. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г., с. 6—7; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г., с. 7—9; Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. — Новосибирск, 1980, с. 106.
3. Народное хозяйство РСФСР в 1979 г., с. 218—219.
4. Заборцев А. И. Развитие хозяйственного расчета и воспроизводство в совхозах Западной Сибири. — Новосибирск, 1975, с. 38.
5. Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири. — Новосибирск, 1977, с. 12—13, 74.
6. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет, с. 155, 170. По Западной Сибири расчеты сделаны по сводным годовым отчетам колхозов.

7. Граблин Н. И., Калмык В. А. Некоторые особенности трудовых ресурсов колхозов и их использование. — В кн.: Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития). Ч. I. Новосибирск, 1975, с. 83.
8. Тянутов А. И. Оптимизация процессов производства в сельском хозяйстве. — Новосибирск, 1976, с. 19; Смирнов В. Д., Горина Н. Д. Некоторые итоги развития сельскохозяйственного производства Западной Сибири в 1966—1977 гг. — В кн.: Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни. Новосибирск, 1981, с. 58—59.
9. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г., с. 156, 301, 365; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г., с. 177, 226.
10. Народное хозяйство Новосибирской области за 1971—1975 гг.: Стат. сб. — Новосибирск, 1976, с. 91, 113; Народное хозяйство Алтая за 60 лет Советской власти: Стат. сб. — Барнаул, 1977, с. 39.
11. Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства..., с. 76—79; Сибирь в едином народно-хозяйственном комплексе, с. 105.
12. Экономические проблемы развития Сибири. — Новосибирск, 1974, с. 138—141, 183—186.
13. Материалы XXIV съезда КПСС. — М., 1971, с. 73.
14. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. — М., 1963, с. 138; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VI. — М., 1973, с. 18, 28.
15. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе, с. 108.
16. Методология и методика системного изучения советской деревни. — Новосибирск, 1980, с. 193.
17. Расчетные данные по материалам статистических справочников.
18. Расчеты по сводным годовым отчетам совхозов и колхозов.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. — М., 1978, с. 113—120.
20. Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства..., с. 95.
21. Правда, 1977, 11 ноября.
22. Методологические проблемы системного изучения деревни. — Новосибирск, 1973, с. 172; Нонкин Н. Т., Глебова Ю. А. Уровень общего профессионального и специального образования..., с. 118—120.
23. Тапилина В. С. Культурное обслуживание сельского населения и досуг. — В кн.: Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни, с. 182.
24. Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения. — Новосибирск, 1979, с. 169; Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. — М., 1978, с. 284.
25. Заславская Т. И., Ладенков В. Н. Некоторые проблемы и направления социально-экономического развития села Западной Сибири в период развитого социализма. — В кн.: Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977, с. 248.

З а к л ю ч е н и е

Проведенный анализ позволяет обосновать в качестве главного вывода положение о том, что основная закономерность социального развития в эпоху социализма — это усиление социальной однородности общества, постепенное стирание существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом.

Подводя итоги социального развития советского общества, Л. И. Брежнев в докладе на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС «О проекте Конституции Союза Советских Социалистических республик» отмечал: «Общим знаменателем всех этих перемен служит растущая социальная однородность советского общества. Еще прочнее стал нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. Постепенно стираются различия между основными социальными группами»¹. Эта же мысль подчеркнута в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС: «В 70-е годы продолжалось сближение всех классов и социальных групп советского общества. Это объективный, но отнюдь не стихийный процесс. Важную роль играет в нем социальная политика партии и государства. Наша цель — создание общества, в котором не будет деления людей на классы. И можно сказать определенно: мы постепенно, но уверенно продвигаемся к этой великой цели»².

Такой вывод несколько не отрицает наличия большой социальной мобильности, наблюдающейся в современный период. Социальная мобильность, наличие многих переходных групп — не отрицательный показатель, а свидетельство преимуществ социальной структуры социалистического общества. Переход из одной социальной группы в другую (колхозников в рабочих совхозов, механизаторов МТС в колхозников) стал возможен благодаря сглаживанию противоречий, стиранию граней между различными классами и группами, сближению их.

При всем кажущемся разнообразии классы и социальные группы отличаются большим монизмом. Их объединяют социалистическая природа, отношения социалистической собственности на средства производства, что порождает общность социальных портретов. Это важно отметить, учитывая писания буржуазных советологов, которые всячески выискивают противоречия в нашем обществе, конфликты, проповедают элитарность социалистического общества. Характерны в этом отношении суждения американца А. Инкелса в книге, изданной в Гарварде в 1968 г.: «Социальные изменения в Советской России». А. Инкелс всячески подчеркивает элитарность советского общества, наличие многих противоположных социальных слоев в нем, в том числе «руководящей элиты» и «рабочей аристократии», эксплуатации и принудительного труда. Автор усматривает социальную разобщенность в крестьянстве и делает вывод: «Крестьяне были и в значительной степени

остаются эксплуатируемой массой, у которой остальная часть общества забирает прибавочный продукт на нужды промышленного и городского строительства»³. Как видим, Инкелс по сути дела проповедует старую троцкистскую теорию об эксплуатации деревни городом.

Выдумки об «элитарности» советского общества, созданного в результате победы социализма, об антагонистических противоречиях между интеллигенцией — «бюрократами», «технократами» и т. п. — и другими социальными слоями, прежде всего рабочим классом и колхозным крестьянством, широко распространяются буржуазными фальсификаторами⁴. Это проповедует, например, Ш. Фицпатрик — один из «специалистов» по истории советской культуры. Культурная революция, утверждает он, — это предпринятая по инициативе Сталина «атака молодых воинствующих коммунистов на буржуазную интеллигенцию», достигшая своего апогея в 1929—1931 гг. и породившая «подобно всем революциям... беспорядок». В то же время «новая пролетарская интеллигенция... была с головокружительной быстротой насильственно пропущена через резко расширенную систему технического и высшего образования». В результате этих процессов к концу 30-х гг. интеллигенция превратилась в «высокопривилегированную группу в обществе», образовалось «советское «высшее общество», в котором художественная интеллигенция смешивалась с высоким начальством». Однако утвердившаяся в стране «тоталитарная система», делает вывод автор, не давала интеллигенции свободы творчества⁵.

Американцы П. Грегори и Р. Стюарт утверждают, что в результате коллективизации наступил кризис и развал сельского хозяйства, крестьяне остались по-прежнему эксплуатируемой, забитой и невежественной массой⁶.

Буржуазные советологи (П. Холлендер, В. Коннор, К. Ведекин и др.) стараются выставить колхозников «низшим классом», «низшей ступенью» советского общества, которые рассматриваются либо как серая однородная масса, занятая немеханизированным физическим трудом, либо в виде «социальной пирамиды», делящейся на «высшие» и «низшие» страты: к первой, «господствующей», относится, как правило, интеллигенция⁷.

Социальная структура населения Сибири существенно не отличается от социальной структуры населения СССР. Основные закономерности социального развития здесь те же, что и в целом по стране, имеется лишь региональная специфика их проявления. Это тем более необходимо подчеркнуть, потому что буржуазные фальсификаторы всячески стремятся гипертрофировать особенности Сибири, противопоставить сибирское крестьянство крестьянству европейских районов страны.

Наиболее реакционные буржуазные советологи пропагандируют мысль о неравноправном, чуть ли не колониальном положении крестьянства сибирской деревни. Так, лейтмотивом книги амери-

канца Н. Фрейшин-Чировского «Экономические факторы развития России» является идея об империалистическом, колониальном «духе русского народа»⁸. Западногерманский экономист В. Гофман политику Советского государства по освоению Сибири и в целом азиатской части страны называет «колониаторской политикой Советской империи», а освоение целинных земель на востоке — началом «новой фазы советской колонизации восточных территорий»⁹. Вся буржуазная историография, несмотря на некоторое различие отдельных направлений (реакционно-консервативного — Л. Шапино, Л. Фишер, Д. Армстронг, Б. Майснер и др. и буржуазно-либерального — А. Ноув, Р. Дюмон и др.), всячески извращает историю освоения целинных земель в восточных районах нашей страны: либо отрицает его необходимость и закономерности (вплоть до утверждения, что эта мера противоречила интересам трудящихся масс деревни), либо преувеличивает трудности и издержки советского опыта и проповедует преимущества капиталистического метода освоения целины¹⁰.

Буржуазные историки утверждают, что сельское хозяйство Сибири «было принесено в жертву» индустриализации, и этим стараются доказать, что «индустриальная» по своей сущности модель социализма не годится для преимущественно аграрных стран Азии. Эта мысль четко выражена в книге англичанки В. Конноли. Признавая успехи промышленности в Сибири, В. Конноли мрачными красками рисует состояние современной сибирской деревни: «низкий» жизненный уровень и «плохие» жилищные условия вызвали чуть ли не повальное бегство крестьян в города, тогда как Госплан и правительство «не уделяют должного внимания» проблемам сибирской деревни¹¹. В. Конноли опирается на концепцию известного английского «советоведа» А. Ноува о том, что «...следование советской модели коллективизации и развязывание борьбы против крестьян-собственников имело бы трагические последствия для Азии. ...Советская идеология индустриализации фактически ведет к усилению элементов общества, враждебных крестьянству и слишком склонных к недооценке сельского хозяйства»¹². Стремясь напугать народы Азии «ужасами» советского опыта, апологеты империализма проповедуют концепции об «экспансии советского империализма», советских «мостах» и «трамплинах» в Азию и т. п.¹³

В некоторых сочинениях буржуазных авторов проводится мысль о бесперспективности сельскохозяйственного развития Сибири, умаляются результаты огромной созидательной работы, которая за годы Советской власти, начиная с периода социалистической реконструкции деревни, была проведена под руководством Коммунистической партии по сельскохозяйственному освоению этого края. Идею о бесперспективности и бесцельности распашки новых земель в Сибири высказывали Н. Ясный, Н. Волин, О. Шиллер и др.¹⁴. Американец Дж. Крэсси в книге «Страны и народы Азии» умаляет результаты сельскохозяйственного развития Сибири

и мрачно смотрит на его перспективы. «Не остается надежд на то, — пишет он, — что когда-нибудь культурное земледелие заменит сибирскую тайгу»¹⁵. В ряде последних работ утверждается, что Сибирь «не кормит себя».

Таким образом, для реакционной буржуазной мысли относительно социального развития сибирской советской деревни характерна проповедь следующих основных идей: колониальная зависимость Сибири от центра, прозябание крестьянства и бесперспективность сибирского сельского хозяйства, предпочтительность альтернативы буржуазного развития региона, неприемлемость сибирского опыта для развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Сибирская действительность — огромная помощь государства, центральных районов страны (техникой, квалифицированными кадрами и т. п.), оказываемая Сибири на всех этапах развития советского общества, значительный рост сельскохозяйственного производства, совершенствование социальной структуры и подъем материально-культурного уровня сельского населения — является лучшим опровержением измышлений буржуазных авторов. Общеизвестно, что Сибирь всегда была и остается важнейшей житницей страны. Так, в 1965 г. из Западной Сибири (без Тюменской области) было вывезено за пределы региона произведенного масла — 57%, молочных консервов — 7, сухого молока — 83, сыра — 39%. По таким важным продуктам питания, как мясо, молоко и изготовленные из них продовольственные товары, Юго-Западная Сибирь выступает в качестве вывозящего района. По данным межотраслевого баланса за 1966 г., на душу населения в Западной Сибири производилось больше, чем потреблялось, мяса и мясопродуктов в 1,8 раза, молока, молока и молочных продуктов в 1,3 раза¹⁶. Западная Сибирь играет существенную роль в формировании экспортных фондов, особенно пшеницы, животного масла и сыров. В середине 70-х гг. до одной трети экспорта твердой пшеницы и молочных продуктов СССР формировалось в этом регионе¹⁷.

Невозможно зачеркнуть успехи, достигнутые сельским хозяйством Западной Сибири за годы Советской власти. Уже к концу 30-х гг. посевные площади по сравнению с дореволюционным периодом увеличились почти в 2 раза, существенно возросла урожайность всех культур. По данным ЦСУ РСФСР, амбарный урожай в Западной Сибири в 1937 г. составил 74,4 млн. ц., т. е. в 2,3 раза превысил уровень 1913 г., на 36% — наивысший доколхозный уровень 1928 г. и на 84% — 1932 г. В конце 30-х гг. в Западной Сибири заготавливалось 25—28 млн. ц. зерна, примерно вдвое больше, чем в 1928 г. и в конце первой пятилетки. Начиная с 1935 г. происходит неуклонный подъем животноводства.

В послевоенный период, особенно в 1953—1958 гг., на основе освоения целинных земель сельское хозяйство Западной Сибири получило дальнейшее сравнительно быстрое развитие. За эти

годы производство зерна возросло в 2,3 раза (заготовки — в 3,6 раза), мяса — на 47%, молока — на 48, яиц — на 86, шерсти — на 19%¹⁸.

Дальнейший существенный прогресс в развитии сельскохозяйственного производства произошел на этапе развитого социализма, главным образом после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. В IX пятилетке по сравнению с VII валовые сборы зерна в Западной Сибири возросли на 67%, картофеля — на 13, овощей — на 26%; урожайность этих культур повысилась соответственно на 97, 26 и 18%. Производство мяса в хозяйствах всех категорий увеличилось на 68%, молока — на 39, яиц — на 108, шерсти — на 22%. В среднем за год в IX пятилетке было произведено валовой продукции более чем на 5 млрд. руб., в том числе в общественном секторе на 3,7 млрд. руб., что на 48% больше, чем в VII и на 17% больше, чем в VIII пятилетках¹⁹. По примерным расчетам, по сравнению с 1940 г. в Западной Сибири стало производиться зерна больше в 3,5 раза, молока — в 1,8, мяса — в 1,5 раза; еще в большей степени возросли заготовки сельскохозяйственных продуктов. Доля Западной Сибири в сельскохозяйственной продукции, производимой в стране, составляла в 1971—1975 гг. 5,5% (населения 4,9%), в том числе в производстве зерна — 8,5, в заготовках — 9,2%, молока соответственно 6,9 и 7,5%, мяса — 5,7 и 5,8%. Объем производства в Западной Сибири в расчете на душу населения превышает среднесоюзные показатели по зерну на 72%, молоку на 35, мясу на 18, яйцу на 14, картофелю на 10%²⁰.

В X пятилетке, хотя развитие сельского хозяйства было затруднено рядом неблагоприятных природно-климатических факторов, все же было достигнуто некоторое увеличение объемов сельскохозяйственного производства. Так, валовая продукция сельского хозяйства в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий возросла в Западной Сибири с 16,7—16,4 тыс. руб. в 1975—1976 гг. до 18,4 тыс. руб. в 1978—1979 гг., среднегодовая продукция животноводства в 1976—1979 гг. в сравнении с 1971—1975 гг. — на 5%, производство мяса — на 2% и т. д. Сельскохозяйственное производство в Западной Сибири характеризуется высоким уровнем производительности труда и эффективности. Колхозы и совхозы Западной Сибири по производительности труда вышли на первое место в РСФСР. В 1971—1974 гг. среднегодовое производство продукции в расчете на одного среднегодового работника в Западной Сибири составило 3864 руб., на Северном Кавказе — 3630 руб., в среднем по РСФСР — 3149 руб. (производительность труда в сельском хозяйстве Западной Сибири превосходит средние показатели по РСФСР на 23%). Это свидетельствует о том, что живой труд в колхозах и совхозах Западной Сибири окупает себя лучше, чем в любом другом экономическом районе страны. Особенно выгодно в регионе производство зерна, а также разведение крупного рогатого скота и птицы²¹.

Вместе с ростом сельскохозяйственного производства произошли значительные изменения в условиях жизни сельского населения. Резко возросли оплата труда работников сельского хозяйства и душевые доходы. Так, среднемесячная зарплата рабочих и служащих Западной Сибири, занятых в сельском хозяйстве, увеличилась с 1965 по 1975 г. с 77,5 до 151,3 руб., в том числе в Новосибирской области с 76,6 до 150,7 руб., в Омской области — с 77,1 до 154,5 руб. По данным социологических обследований, в Новосибирской области с 1972 по 1977 г. мобильные душевые доходы сельского населения возросли на 29%, зарплата — на 22, доходы от личного подсобного хозяйства — на 17, от общественных фондов — на 50%. Совокупный доход сельских рабочих и служащих в 1975 г. в Западной Сибири составлял 97 руб., в РСФСР — 87, душевой доход колхозника — соответственно 98 и 73 руб.

За последние 15 лет на селе значительно увеличился и обновился общественный жилищный фонд. В совхозах Новосибирской области жилой фонд за 1960—1970 гг. вырос в 2,4 раза. Ввод в действие нового жилья, построенного за счет государственных капиталовложений, в 1974 г. в сельской местности составил 160% к уровню 1970 г.; обеспеченность жильем на одного человека увеличилась с 7,5 до 9,2 м². Повысилась и степень благоустройства жилья. По данным социологического обследования, уровень благоустройства в Новосибирской области с 1972 по 1977 г. поднялся среди опрошенных семей по отдельным показателям в следующих размерах: водопровод в домах — с 7 до 22%, газ — с 12 до 41, канализация — с 4 до 11, центральное отопление — с 6 до 16%. Число газифицированных квартир в сельской местности Омской области увеличилось с 10,6 тыс. в 1965 г. до 161,4 тыс. в 1975 г., а протяженность водопроводной сети за IX пятилетку — с 48,1 до 82,3 км².

Значительный прогресс достигнут в развитии на селе торговли, общественного питания, бытового обслуживания. В 1965 г. сельский товарооборот на душу населения составлял 289 руб., а в 1975 г. — почти 700 руб. Товарооборот общественного питания увеличился примерно в 2 раза. Общий розничный товарооборот в сельской местности Новосибирской области вырос с 40 млн. руб. в 1940 г. до 280 млн. в 1965 г., 563 млн. в 1975 г., а в Омской области за последние 10 лет — с 274 до 478 млн. руб.²³. Объем бытовых услуг, оказываемых сельскому населению, возрос за 1965—1975 гг. в 4 раза, а в расчете на одного жителя — в 5 раз. Доля сельских поселков, имеющих общественные столовые, по данным социологических обследований в Новосибирской области, поднялась с 1967 по 1977 г. с 38 до 51%, общественные бани — с 34 до 68, швейные мастерские — с 21 до 80, парикмахерские — с 17 до 40, мастерские по ремонту бытовой техники — с 8 до 69%. Почти во всех центральных усадьбах созданы комплексные приемные пункты предприятий бытового обслуживания. Непрерывно улучшается медицинское обслуживание сельского населения. По

данным обследования 1972 г., в сельской местности Новосибирской области на 178 обследованных населенных пунктах приходилось 19 участковых и районных больниц, 82 фельдшерских пункта, в которых трудились 55 врачей, 665 чел. среднего и младшего обслуживающего персонала. В среднем каждому жителю в течение года 7 раз оказывалась медицинская помощь, двум третям из них — на дому²⁴.

За 1965—1975 гг. в Западной Сибири количество сельских библиотек увеличилось в 1,3 раза, книг и журналов, приходящихся на одного жителя, — в 2 раза. Сельская местность почти полностью обеспечена стационарными киноустановками, число посещений кино за десятилетие возросло более чем в 1,5 раза. Повзрослело количество сельских клубов, 70% деревенских семей имеют телевизоры. Все это позволило значительно разнообразить досуг сельских жителей. Но, несмотря на то, что в последние годы в деревне происходит ускоренный рост культурно-бытовых учреждений, временами превышающий по темпу и уровню развития город, «до сих пор сельское население отстает от городского по многим показателям культурного обслуживания, менее разнообразного, худшего качества и, что самое главное, не успевающего за ростом потребностей населения в услугах культуры»²⁵.

Произшедшие крупные сдвиги в социально-культурном развитии села положительно сказались на привлекательности сельского населения. Доля потенциальных мигрантов с 1972 г. по 1977 г. сократилась: численность «собирающихся уехать» снизилась с 13,7 до 8,3%, тех, кто, «возможно, уедет», — с 10,6 до 7,4, а «не собирающихся уехать» возросла с 75,7 до 84,3%. В IX пятилетке темпы уменьшения сельского населения Алтая снизились в 2 раза. В 1976 г. в 15 районах края по сравнению с предыдущим годом население увеличилось, а в 9 районах его численность стабилизировалась. Среднегодовая численность работников колхозов и совхозов увеличилась на 2,9 тыс. чел. Ежегодно после окончания средней школы на селе остается 40—42% юношей и девушек.

Существенно изменяется отношение населения к деревне. Результаты социологических обследований показали, что, отвечая на вопрос «Какая жизнь лучше: городская или сельская?», отдали предпочтение сельской жизни в 1972 г. 19% опрошенных, а в 1977 г. — 65, городской соответственно 40 и 27%²⁶. Таким образом, сельский образ жизни имеет своих сторонников, свою социальную базу, которая с прогрессом социально-культурного развития будет укрепляться.

Современное состояние социально-профессиональной структуры сибирской деревни свидетельствует об огромных преобразованиях в экономике, социальных и культурных областях жизни края. Социальная структура населения Сибири существенно не отличается от социальной структуры населения СССР. Отсталость Сибири в экономическом и социальном развитии как наследие дореволюционного прошлого была в основном преодолена уже к концу

30-х гг., к настоящему времени достигнуты дальнейшие значительные успехи в социально-экономическом развитии сибирской деревни, в результате которых еще более сократилось ее отставание от передовых в социально-культурном отношении регионов страны.

По ряду показателей социально-культурного развития Сибирь выходит на передовые рубежи:

1. По насыщенности техникой и энерговооруженности (в расчете на одного работника, занятого в сельском хозяйстве), по уровню производительности труда Западная Сибирь превосходит средние по стране и республике показатели.

2. Сибирь является передовым районом по темпу роста городов и процессу урбанизации.

3. Сельскохозяйственные рабочие в регионе — преобладающая сила в деревне; их доля здесь значительно выше, чем в среднем по стране.

4. Механизаторы в сельском хозяйстве в Западной Сибири имеют больший удельный вес, чем в среднем по стране и большинству регионов.

6. Ряд районов Сибири (прежде всего, Алтай) являются передовыми по уровню квалификации многих работников сельскохозяйственного труда, наличию дипломированных специалистов.

Основные прогрессивные тенденции социально-профессиональной структуры населения, проявившиеся в эпоху социализма, несомненно получат дальнейшее совершенствование и многогранное проявление в условиях развития зрелого социализма.

Литература и источники

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. II. — М., 1978, с. 683.

2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 52.

3. Inkeles A. *The Social Change in Soviet Russia*. — Cambridge, 1968, p. 152.

4. *Soviet Studies*, 1974, v. XXVI, № 1, p. 41; Straus's' E. *S'oviet agriculture in Perspective*. — L, 1969, p. 92, 124. Подробно см.: Виттенберг Е. Я. Проблемы развития социально-классовой структуры СССР в новейшей историографии. — *История СССР*, 1974, № 2.

5. Fitzpatrick Sh. *Culture and Policies Under Stalin: a Reappraisal*. — *Slavic Review*, June, 1976, p. 214—215, 220—222, 231.

6. Gregory P. R., Stuart R. C. *Soviet Economic Structure and Reformation*. — N. Y., 1974, p. 108—109.

7. Подробно см.: Староверов В. И. Советское крестьянство и советологическое мифотворчество. — *Социол. исследования*, 1977, № 4; Виттенберг Е. Я. Буржуазная историография в социальной роли крестьянства в СССР на современном этапе. — *История СССР*, 1981, № 5; и др.

8. Freishin-Chirovsky N. L. *The Economic Factors in the Growth of Russia*. — N. Y., 1957, p. 137—138.

9. Hofmann W. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? (Zur Deutung der Sowjetgesellschaft von heute). — Berlin, 1955, s. 33.

10. См.: Куликов В. И. Исторический опыт освоения целинных земель. — М., 1978, с. 4—7.

11. Connolly V. Beyond the Urals. Economic Development in Soviet Asia. — L., 1967, p. 247—248, 270, 353—358.

12. Ibid., p. 362—363.

13. Joesten J. What Russia Wants. — Binghamton, 1944, p. 191—192; Lackson D. The Russo-Chinese Borderlands. Zone of Peaceful or Potential Conflict? — Princeton, 1968, p. 36, 107—109, 134.

14. См.: Шарапов Г. В. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. — М., 1966, с. 231—232; Новое время, 1956, № 52, с. 16.

15. Cressey G. B. Asia's Lands and Peoples. — L., 1955, p. 304.

16. Западно-Сибирский экономический район. — М., 1967, с. 151; Ильичев А. И., Бурындин Р. М. Западная Сибирь. Ресурсы. Проблемы. Перспективы. — Новосибирск, 1971, с. 244—246.

17. Новосельцев В. С. Об участии экономического района в международном разделении труда (на примере Западной Сибири). — Изв. СО АН СССР, 1974, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 30.

18. Мищенко И. Г., Урьев Е. А. Роль Сибири в экономике сельского хозяйства страны. — М., 1961, с. 16—17, 27.

19. Заславская Т. И., Ладенков В. Н. Некоторые проблемы и направления социально-экономического развития села Западной Сибири в период развитого социализма. — В кн.: Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977, с. 237.

20. Рассчитано по данным статистических ежегодников ЦСУ СССР за соответствующие годы.

21. Ладенков В. И., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири. — Новосибирск, 1977, с. 136; Экономическая эффективность производства сельскохозяйственной продукции в Западной Сибири. — Новосибирск, 1971, с. 53.

22. Сибирь в едином народно-хозяйственном комплексе. — Новосибирск, 1980, с. 116.

23. Ладенков В. И., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства..., с. 199; Народное хозяйство Новосибирской области за 1971—1975 гг.: Стат. сб. — Новосибирск, 1976, с. 117; Народное хозяйство Омской области за 1971—1975 годы: Стат. сб. — Омск, 1977, с. 88.

24. Ладенков В. И., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства..., с. 199.

25. Заславская Т. И., Калмык В. А. Социально-экономическое планирование и проблемы управления миграцией сельского населения. — В кн.: Социально-экономическое планирование и проблемы использования трудовых ресурсов в свете требований XXV съезда КПСС. Барнаул, 1978, с. 17.

26. Рывкина Р. В. Динамика образа жизни и отношение к нему сельского населения. — В кн.: Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни. Новосибирск, 1981, с. 242.

Основные источники и литература

I. Источники

Произведения В. И. Ленина

1. Ленин В. И. VIII съезд РКП(б). Доклад о работе в деревне. 23 марта.— Полн. собр. соч., т. 38, с. 187—205.
2. Ленин В. И. Великий почин.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 1—29.
3. Ленин В. И. О диктатуре пролетариата.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 259—268.
4. Ленин В. И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 271—282.
5. Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу (для второго съезда Коммунистического интернационала).— Полн. собр. соч., т. 41, с. 169—182.
6. Ленин В. И. X съезд РКП(б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом. 15 марта.— Полн. собр. соч., т. 43, с. 57—73.
7. Ленин В. И. О продовольственном налоге. (Значение новой экономической политики и ее условия).— Полн. собр. соч., т. 43, с. 205—245.
8. Ленин В. И. О кооперации.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 368—369.

Документы КПСС

1. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков). КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. — М., 1970, с. 37—59.
2. XV съезд ВКП(б). О работе в деревне. КПСС в резолюциях... Т. 4. — М., 1970, с. 51—70.
3. XVIII съезд ВКП(б). Изменения в уставе ВКП(б). КПСС в резолюциях... Т. 5. — М., 1971, с. 366—375.
4. XXII съезд КПСС. Программа Коммунистической партии Советского Союза. КПСС в резолюциях... Т. 8. — М., 1972, с. 196—305.
5. Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1977.
6. Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981.
7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — М., 1977.

II. Литература

Общесоюзная

1. Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 — 1920. — М., 1976.
2. Изменения социальной структуры советского общества, 1921 г. — середина 30-х гг. — М., 1979.
3. Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. — М., 1971.
4. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. — М., 1979.
5. Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества (1938—1970). — М., 1973.
6. Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. — М., 1978.

Сибирская

1. Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. — Новосибирск, 1973.
2. Гуцин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935—1941). — Новосибирск, 1975.
3. Гуцин Н. Я., Дремова Л. И., Ладенков В. Н. Изменение социальной структуры западносибирской деревни в 1939—1975 гг. — В кн.: Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981, с. 181—194.
4. Ладенков В. Н., Носков А. А. Проблемы развития сельского хозяйства Западной Сибири. — Новосибирск, 1977.
5. Янкевич П. Ф. Социальные изменения в крестьянстве Западной Сибири. — М., 1970.
6. Историография крестьянства Советской Сибири. — Новосибирск, 1976.

О г л а в л е н и е

В в е д е н и е . Значение и актуальность темы. Обзор литературы	3
Г л а в а 1. Преобразование социальной структуры деревни в переходный период от капитализма к социализму (1917—1937 гг.). . .	20
Г л а в а 2. Изменения в социальной структуре деревни в период упрочения и развития социалистического общества (1938 г. — конец 50-х — начало 60-х гг.)	38
Г л а в а 3. Основные тенденции изменения социально-профессиональной структуры деревни в период развитого социализма (начало 60-х — конец 70-х гг.)	53
З а к л ю ч е н и е	74
Основные источники и литература	83

Николай Яковлевич Гуцин
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ
И ОСОБЕННОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ
(1917 г. — конец 70-х гг.)

Учебное пособие

Темплан 1982 г., поз. 335

Ответственный редактор
А. С. Московский

Редактор *С. Л. Розина*
Корректор *С. Д. Андреева*
Художник *Н. А. Савельева*

Подписано в печать 18. XI. 82. МН 03615. Формат 60 × 84, 1/16.
Бумага писчая. Объем 5 уч.-изд. л., 5,5 п.л. Тираж 600 экз.
Заказ № 1216. Цена 31 коп.

Редакционно-издательский отдел Новосибирского госуниверситета;
набрано на фотонаборной машине 2-НФА; ротاپринт НГУ;
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.